

*Сборник материалов по итогам музейного
социокультурного проекта «Обратный билет» в
рамках празднования 300-летия г. Мариинска*

*«Ваше далёкое детство
здесь прошло...»*

Авторы - составители:
*Булавина Е.В.,
Манузина Л.А.,
Мещерякова Л.Н.*

сборник *«Наше далёкое детство здесь прошло...»*

Формат 148x210
Тираж—160 экземпляров
Литературно-мемориальный Дом-музей В.А.Чивилихина
Телефон: 5-35-39
Эл.адрес: chivilihin.mar@yandex.ru

Литературно-мемориальный Дом-музей В.А.Чивилихина

2020 год

От составителей

Уважаемые читатели, сборник воспоминаний, который вы держите в своих руках, появился в результате участия наших мариинцев в интересном музейном проекте с интригующим названием «Обратный билет».

«Обратный билет» - это социокультурный проект, родившийся в стенах Литературно-мемориального Дома-музея В.А. Чивилихина в период подготовки к его 35-летнему юбилею и к 300-летию г. Мариинска, по инициативе автора проекта, почитателя таланта писателя - земляка и руководителя музея Елены Васильевны Булавиной.

В романе-эссе «Память» Владимир Чивилихин написал: «... Как цепко сидит в нас все прошлое, сделавшее нас тем, что мы есть... Иногда в самый неподходящий момент явится тихое теплое облако воспоминаний, ласкающе коснется сердца и уплывет назад, истает мимолетным счастьем...»

Такими счастливыми воспоминаниями, как правило, являются воспоминания о родном городе, о «малой родине», о родном доме, родителях, о детстве, друзьях, однокашниках, учителях, первой любви... «... Слово, жест, картина, люди, случай...» (В.Чивилихин), и мы снова, уже повзрослому, переживаем, пытаемся развязать свои «узелки памяти».

«Мое детство - то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске...» С этой фразы предложено было каждому участнику проекта рассказать о своем детстве, проведенном в Мариинске в 50-е -80-е годы. Самые интересные очерки, дорогие воспоминания, раздумья, стихи были опубликованы в районной газете «Вперед». Откликнулись, в первую очередь, те, кто любит свой Мариинск, всей душой прикипел к родным местам; для кого наш старинный маленький городок давно уже стал родником, питающим любовью к отчему краю, где прошли самые светлые годы детства. «У каждого из нас в детстве,- писал Владимир

Чивилихин ,-были милые сердцу речки и леса, горы и тропки, дворы и улицы, которые спустя много лет греют нас золотыми снами.

Мы благодарим всех участников проекта «Обратный билет», поделившихся своими воспоминаниями, откровениями, всколыхнувших память читателей. Ведь в представленных «историях» названы реальные люди и их имена, жившие когда-то в Мариинске или живущие в настоящее время.

«Электронный билет в... Детство»

Моё детство - то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске.

Не скрою, мне всегда радостно и приятно было держать в руках цветную картонку с эмблемой той или иной авиакомпании с вложенной в неё книжской авиабилета. Интересен был и сам красочный билет, который уже своим видом предварял увлекательное путешествие. Вот и в этот раз, собираясь в поездку в Сибирь, я отправился в Транс-агентство с понятным ожиданием получить привычный формат. И что же? Юная девушка в форменной блузке с кокетливо повязанным многоцветном галстуком подала мне листок писчей бумаги размером А4 с напечатанным текстом.

- А билет? - поинтересовался я.

- Это и есть ваш билет. Электронный!

И объяснила, как пользоваться им. Для меня это было новинкой. Я впервые полетел по электронному билету. Простого листка (без печати и штампа!) действительно оказалось достаточно, чтобы прилететь в сибирские края, где прошло детство и юность.

Что вспоминается из той давней поры в первую очередь? Конечно, школа и друзья-товарищи, с которыми мы 1 сентября 1945 года впервые сели за парты. Это вспоминает-

Оглавление

Владимир Залесов «Электронный билет в... Детство»	4
Николай Дорожкин «Место моей силы»	10
Лидия Музыка (Ворончихина) «Дом моего детства»	15
Лидия Иванова (Долгова) «От горсада до Кии»	20
Евгений Щедрин «У бабушки с дедушкой»	26
Антонина Лебедева «Во Дворце у нас играет духовой оркестр... »	32
Людмила Астахова «Город юности моей»	34
Татьяна Глоба «Тополиная аллея моей юности »	35
Галина Шершнева (Вершинина) «У речки Баимчик»	39
Татьяна Агапова «Город моего детства»	49
Сергей Фисенко «Мое Мариинское детство»	52
Елена Новикова (Роова) «Город моего детства»	56
Владимир Зайцев «Прогулка в детство»	66
Галина Ерофеева (Даниленко) «Впечатления детства Живут в памяти»	69
Ирина Лавренова (Россинина) «Детство всегда с нами» ...	71
Владимир Киреев «На родине» (очерк)	78
Посвящение Мариинску (Kovalyashka-ne@yandex.ru)	94

ся не только мне, но и моим одноклассникам, которые, как и я, давно пенсионеры, дедушки и бабушки, а то и прадедушки. Но всем нам радостны и близки дни детства. Об этом наш коллективный рассказ в письмах и воспоминаниях.

Приют одноклассников

В один из декабрьских вечеров этого века в уютной квартире наших одноклассников Нины (в девичестве Шатохиной) и Владимира Лозовых мы пили чай после домашней баньки. Мне, приехавшему из Москвы, было радостно видеть своих друзей, узнавать новости их жизни и вспоминать с ними радости и трудности века минувшего.

Так вот случилось, что Нина и Володя, помотавшись по дальним военным гарнизонам с разнообразным климатом, возвратились в родной Мариинск. Скажу прямо, на наше счастье. Душевно щедрые и нравственно чистые, супруги Лозовы не отступают перед трудностями, достойно выдерживают испытания на жизнестойкость и сохранили добрые чувства привязанности к своим товарищам по классу. Их гостеприимный дом на улице Садовой стал своеобразным «приютом одноклассников», навещавшихся в Мариинск. И тут получали товарищескую помощь, дружескую поддержку и искреннее сочувствие. Как о надёжных друзьях отзываются все, кто побывал в гостях у Лозовых. Нина и Владимир проявляют верность старой спайке компании друзей-одноклассников. Так что через десятилетия окунаешься в атмосферу той жизни, которая была у нас в те годы.

Вот и в этот декабрьский вечер меня ожидал сюрприз. Да ещё какой! Ни слова не говоря, Володя ушёл из кухни в соседнюю комнату. Мы с Ниной продолжали чаёвничать. Через какое-то время Владимир позвал нас. Молча включил кинопроектор и на экране появились кадры одной из встреч нашего класса на берегу Кии!

Сколько их было, начиная с 1955 года - года нашего окончания Мариинской средней школы № 2! Шумных и многолюдных! В студенческую пору ежегодные, а затем традиционные, раз в 5 лет. Со временем незаметно разрывались

связи, менялись адреса и усложнялись жизненные обстоятельства. Если встречи и удавались, то уже не большой компанией, а с одним-двумя сверстниками. Володя был запевалой ис-пользования многих технических новинок ещё в школе и оставался таким позже. Вот и узкоплёночным киноаппаратом он обзавёлся в давние времена, фиксируя наши встречи.

«Как молоды мы были!» - воскликнули мы втроем почти хором по окончании сеанса. И задумались, а как дальше сохранить эти кинокадры, используя новую технологию. Оцифровать? Где? Как? Это стало мне, столичному жителю, домашним заданием.

Электронный почтальон

Новые информационные технологии, естественно, уже внедрились и в наше общение с друзьями. Стала привычной переписка по электронной почте и беседы по скайпу. Другом нашего класса стала и Мариинская газета «Вперёд». К 100-летию школы № 2 газета напечатала несколько заметок об учителях и нашем 10аклассе. Заметки были посланы одноклассникам, чьи адреса сохранились у нас. Так газета стала своеобразным посредником для оживления отношений и поиска утерянных друзей.

Одним из первых откликнулся пенсионер-металлург из Новокузнецка Владимир Иванович Говердов:

«Родственников [одноклассника - В.З.] Володи Иванова разыскать особого труда не представляло. Старшая сестра Иванезика [т.е. Иванова - В.З.] несмотря на то, что ей уже за семьдесят, полная оптимизма, очень обрадовалась моему звонку, весточке из Мариинска, где она заканчивала железнодорожную школу, добрым воспоминаниям о брате... Ей я и передал «В начале жизни школу помню я ...». Радость её была настолько искренней, что я считаю заметкашла именно тот, нужный адресат.

А с Сашкой Долматовым [наш одноклассник - В.З.] мы встречались последний раз добрый десяток лет назад, будучи на отдыхе в санатории Анжерском, на выходной день махнули в Мариинск. За два дня успели порыбачить на знамени-

Вдаль течение верша.
Над мальчишек мельтешеньем,
На поляне у реки,
Как предвестники гоненья
Первых звездочек мазки.
Здесь мой друг ночной порою,
Прогревая тепловоз,
Цедит тихо, сам с собою,
Макаревича под нос.
Там в тумане за рекою,
В предрассветный, сонный час,
Плывут кони к водопою,
Утопая в нем подчас.
За мостом автодорожным
Солнца красный окоём
Правым боком осторожно
Начинает свой подъём.
Утро красит, словно в песне,
Милый сердцу городок,
Прогоня повсеместно
С улиц зябкий холодок.
Здесь, быть может, меня любят.
И, быть может, кто-то ждет.
Этот кто-то – моя юность,
Что за станцией живет...
Здравствуй, город мой, любимый!
Не высокий, не большой,
Не заносчиво старинный,
Но такой ты весь родной.
Много есть красот на свете,
Очень много, но постой!
Всех прекраснее, поверьте
Долгожданный путь домой...

Посвящение Мариинску

*Что-то стала часто сниться
 Мне родная сторона.
 И порой в ночи не спится
 Аж до самого утра.
 До зари сижу, стенам,
 С кружкой чая за столом.
 И, вздыхая, вспоминаю
 По соседству старый дом.
 Где на чердаке нашедши
 Клад из старых, пыльных книг.
 И за чтением день прошедший
 Пролетал как один миг.
 Где окна резной наличник
 В землю опустил свой нос.
 Скособочившись скворечник
 Мхом до маковки зарос.
 На скамьях под сенью кленов
 В сквере парочки сидят.
 А над ними в пыльных кронах
 Воробьи весь день галдят.
 Закружив в водоворотах,
 По окатышам шуриша,
 Нежно шепчет Кия что-то,*

том озере Удай (старица Кия), любимом месте рыбалки Иванезика, побродить по грибным мариинским лесам, надышаться воздухом юности...».

В другом письме В. Говердов пишет: «Вспомнился какой-то весенний праздник, может быть, Пасха, когда в огороде у Долматовых был накрыт стол, погода была чудесная, разлившаяся Кия подступила к самому огороду, и многочисленная родня Сашки с плясками, шутками, частушками под гармонь и балалайку истинно по-русски радовались жизни, а она никогда не была простой и лёгкой. Память же сохранила только тёплые и светлые воспоминания о времени и друзьях. Вспоминаешь о тех, кого уже нет - щемит сердце... как всё-таки нам повезло с Учителями да и с однокашниками, из которых они строгаили людей...».

В школу на юбилей

Часто приходили подробные письма из Рубцовска от нашего одноклассника Владимира Докучаева, инженера-строителя по профессии.

Вот отрывок из его письма от мая 2002 года: «Очень хочу попасть осенью в Мариинск на юбилей школы. А вы собираетесь? Было бы здорово увидеться и всех обойти живых и на кладбище...».

Через несколько недель Володя пишет о праздновании 100-летия школы № 2: «Всё было здорово, жаль только, что не собрались наши. Пожалуй, это был последний повод для большого сбора. Но увы... Спасибо Лозову. Он меня встретил и проводил, и вообще помог во всех делах, три дня отдал мне полностью. Он да Люба Позднякова - вот и вся наша компания...».

В марте 2004 года В. Докучаев написал: «Володя... Сборничек твоих статей в газете «Вперёд» столько оживил, напомнил, столько всколыхнул в душе! Спасибо! Сколько всё-таки у нас было хорошего! Были и всякие сложности в общении и в быту, но ведь мы не воспринимали их как трагедии. Условия такие - значит, и живём так...».

Светлая наша речка Кия

По «электронке» сейчас, бывает, за день получишь-отправишь несколько сообщений, а по скайпу даже посмотришь на друзей-товарищей. (Пока не использовали телеконференции, но надеюсь, это у нас впереди).

Март 2011 г. - от Докучаева: «А что ещё в Мариинске? Конечно же, светлая наша речка Кия! Как много с ней связано! Я счастлив, что видал её всякую: в разлив подобную морю и в малую воду, в верховьях, где можно перешагнуть за два шага, и в устье, где не сразу ипустишься вплавь. В нашем детстве это была совсем чистая вода, пригодная для питья, и мы пили, не задумываясь. А вот недавно, сплавляясь с Лозовым выше Мариинска, обнаружили, что не то что пить - понюхать воду в р-не Баима уже неприятно».

Сдержанно информационные весточки от Владимира Лозова: «Бегаю на Кию, пытаюсь поймать ершей (больше ничего не клюёт), иногда десятка полтора-два надёргаю (уха изумительная). В августе приезжал Володя Докучаев. На кладбище кое-что сделали. А главное сплывились на лодке от Чумая до Мариинска. Сплав был марафонский. Володя торопился домой, и мы эти 70 с лишним км преодолели за 3 дня. Впечатлений достаточно, и синяки у меня ниже поясицы (вылетел из лодки на перекате на валун)...».

Наши одноклассники писали живые интересные письма. По ним можно судить не только о судьбах конкретных людей, но и видеть штрихи эпохи, в которой мы жили и живём.

У писателя Валентина Распутина есть такое суждение, почти афоризм: «Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком». Соглашаться с этим или нет - каждый сам решит. На мой же взгляд, встречаясь со своими школьными товарищами, мы становимся почти детьми и молодеем поэтому.

Верю, что скоро, очень скоро я на ПК на функции «Заказ билетов» наберу «ДО» название сибирского аэропорта, из которого ближе всего на поезде или автобусом до-

ший, - бери! А это волнушка.

- Волнушку мы знаем, - вступила в разговор Надежда, - жалко только, что груздей нет в нашем лесу.

- А куда они делись – есть они.

- Ну и где же они?

- Ну, милые мои, гриб любит, чтобы его поискали, искать надо грибы, ходить по лесу, это же охота.

В прелой листве виднелись бугорки. Это, оказывается, был признак растущего гриба. Отец аккуратно разгреб бугорок и, взмахнув ножом, выпрямил спину.

- Вот он и груздь! – воскликнул отец, очищая от опавшей листвы желтоватый с подвернутыми краями гриб.

Мы, увидев это, сразу бросились искать грибные бугорки, и это нам принесло удачу.

За несколько поездок за грибами мы заполнили все закрома, насолили деревянную бочку груздей, засушили опять, а также мать всю осень варила грибные супы, жарила грибы на сковороде.

Любовь к грибной охоте навсегда осталась во мне. Каждое лето и осень грибная лихорадка терзает души, и меня неумолимо тянет в лес. Надо сказать, что тяга к охоте на птиц и зверей с годами прошла, и это сегодня не волнует кровь во мне, а рыбалка и грибная охота, наоборот, стали более интересными и привлекательными. Это, наверное, оттого, что человеку иногда просто необходимо побыть одному, наедине с природой и со своими мыслями.

Как бы ни складывалась наша жизнь, возвращаясь в родные места и поклоняясь старым домам, деревьям и погодам, мы всегда будем испытывать радость встречи с родиной и непреодолимое чувство надежды, что рано или поздно на этой земле начнется возрождение, и она снова будет светла и обильна.

казалось, что кто-то метлой подмел пол под соснами, и маленькие скользкие маслята с коричневыми шляпками, выбившись из-под земли, росли почти сплошной порослью так, что сложно было найти место, чтобы поставить ступню и не раздавить гриб. Как будто в лесу рассыпали грибной мицелий по каждому сантиметру. Была только одна маленькая проблема: грибы перезрели, поэтому многие маслята были червивыми. Но когда грибов так много, ведро заполнялось отборными грибами очень быстро.

Вначале отец нагибался за несколькими грибами, потом он присаживался на корточки и резал их десятками, потом и вовсе встал на колени и ползал под елками, работая ножом. Он косил молоденькие маслята десятками. На коленях можно было легко переползти из одного междурядья елок в другое. Маленькие маслята заполняли ведро гораздо медленней, чем большие грузди или подосиновики, но так как их было много, ведро все равно заполнялось очень быстро. Иногда ему даже на коленях стоять надоедало, и он ложился.

Мы наперегонки заполняли короб грибами. И на этот раз короб был забит грибами до отвала. Потом весь вечер до полночи был потрачен на переборку грибов. Эта работа никому не нравилась, все-таки масленок не самый лучший гриб для переборки из-за своей липкой шляпки.

Естественно, после такой грибной охоты нам не терпелось поехать в тот же лес еще раз. И мы поехали на следующие выходные! Тогда маслята уже перезрели окончательно. Их по-прежнему было так же много, но искать здоровые среди червивых не хотелось, и отец повез нас в другой лес, известный только ему одному.

Мы подъехали к смешанному лесу, в котором росли березы вперемишку с осинами, и среди них подрастали молодые сосны. Грибов было не так много, как маслят в сосновом лесу, но все же они были.

Под осинкой я увидел гриб, похожий на маленький граммофон.

- Это лисичка, - сказал отец, - редкий гриб, но хоро-

браться до Маршинска, и буду счастлив, если обратный билет закажу с открытой датой. Не надо будет торопиться уезжать из города моего детства...

Встреча одноклассников 25 лет спустя (1980 год)

Мои дорогие одноклассники с детьми и супругами. В центре с планками - классный руководитель Фёдор Дмитриевич Шатров. На переднем плане перед классным руководителем сидит Александр Долматов.

Во втором ряду: первый слева - Владимир Говердов, пятая - Нина Лозова.

3-й ряд: четвертый слева - Владимир Докучаев, второй справа - Владимир Лозов.

В. Иванов (Иванезик) к тому году уже ушёл из жизни, а мы с женой (Залесовы) на той встрече не были.

(фото из архива семьи Залесовых)

«Место моей силы»

Моё детство - то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске. В этом городе я родился и вырос...

Слышать и читать о Мариинске приходится разное. Например: «Твой Мариинск – городок занятный... Люди великоленные, окрестности замечательные. А мариинская водка – лучшая в Сибири. Нам сказали, что благодаря уникальной

ливы мелкие, прогреваются жарким летним солнцем, и караси в них заходят погреться.

Я смотрел на озеро и думал: «Природа для всех нас – дар Божий. Для всех людей, от мала до велика». Её красота сохранилась в первозданном виде. Легкий ветерок обдувал голову, вдоль берега росли камыши, а рядом с дорогой растилась редко засеянное овсяное поле.

За три десятка лет здесь ничего почти не изменилось. Напротив нас, на другом берегу залива, гуляла компания, по виду это были две семьи, которые приехали провести время у воды. Все по-прежнему, только, как из воды, всплывают далекие воспоминания. Раньше озеро гудело от крика детворы, купающихся почти во всех заливах. Все заливы были негласно поделены. Этот залив был калининских пацанов, рядом сиблаговских, недалеко штурмовских, а недалеко от плотины – наши, строевский. Мы дружили с сиблаговскими, наверное, потому, что учились в одной школе и ходили в один клуб, но мы всегда конфликтовали с калининскими. Они всегда пытались у нас что-то отобрать, то ключи от велосипеда, то ножик перочинный. Из-за этого возникали драки, они длились до тех пор, пока на велосипеде не подъезжал кто-нибудь из старших, а это обычно были наши. И тогда наши противники бросались наутек. Они всегда ходили на озеро пешком, велосипедов у них не было, а зачем им были нужны ключи, я не знаю.

На обратном пути заходили на стрельбище. Собирали гильзы, набивали их в карманы, набирали в руки и шли дальше домой. Зачем набирали стреляные гильзы? А просто так, для интереса. Потом они бесполезно валялись на полке в отцовском гараже.

Наш отец с особым пристрастием любил собирать грибы, поэтому каждую осень, после работы или в выходной день, приезжал домой на грузовой машине ЗИЛ – 164 с большим деревянным кузовом, усаживал в него всех нас, детей, что были дома, ставил большой деревянный короб, и мы ехали в сторону деревни Мальковка за грибами. Там был красивый сосновый бор, трава под соснами росла ровно и редко,

во время дождей или зимой. В открытые окна машины врывался сухой горячий ветер, напоенный терпким луговым ароматом. Я жадно смотрел по сторонам, узнавая знакомые, такие памятные с детства места, сколько раз мне довелось поехать и походить по этой дороге – не сосчитать! До последнего кустика всё здесь было знакомым и родным. Поэтому ещё резче бросались в глаза следы запустения и разрухи. На колхозных полях, где когда-то буйно колосилась пшеница, овес, ячмень, где раньше горели маленькими солнышками и радовали глаз подсолнухи, рос горох, теперь сплошной стеной стоял бурьян. Там, где тихо шелестела листвой на ветру молодая, сочная кукуруза, – целое море колючего осота. Да, как видно и здесь наше смутное время бесконечных перестроек и реформ оставило свой разрушительный след.

Все сельское хозяйство в Сибири рухнуло вместе с великим Советским Союзом, рухнуло в одночасье. Сейчас в Сибири поля кое-где все-таки пахутся, в основном, крупными животноводческими комплексами, и там, где фермеры занимаются заготовкой леса.

Мы остановились, вышли из машины. Пошли вглубь поля. Там уже поднимались молодые сосны вперемешку с ольхой и березой. Молча вернулись к машине и тронулись в путь. Ещё несколько минут мы ехали вдоль заброшенного поля, и мне всё время чудился его живой голос:

- Люди! Что же вы сделали со мной?!

Действительно, люди! Что же мы сделали с нашим Полем, с нашей Землёй, с нашей Жизнью, с нашей Родиной?! Кто за всё это в ответе? И, к сожалению, это трудное время продолжается, и мы со стороны наблюдаем, что происходит в нашей деревне, ждем, когда в ней хорошо станет, но сами туда не едем жить.

За военным стрельбищем - озеро шириной метров сто пятьдесят-двести и длиной около километра. Берега озера заросли травой, а вдоль них тянется наезженная пыльная дорога. Раньше говорили, что озеро бездонное и очень чистое. Так оно, наверное, и есть. Отплывешь от берега несколько метров, и не донырнуть до дна, вода холодная, а за-

местной воде...». Так недавно писал мне из Новосибирска старый друг по студенческой коммуне Валерий Новиков, автор фильма «Между Тибетом и Северным полюсом» (о маршинских художниках и мастерах берестяных дел), режиссёр-документалист, заслуженный деятель искусств РФ, герой Чернобыля. Есть и другие оценки, но эта мне ближе – не потому, что она комплиментарная, а потому, что алтайский геолог, а затем главный редактор Западно-Сибирской студии кинохроники, исходивший пешком и объехавший на чём только можно всю Сибирь, совершенно объективен.

Я же слово о родном городе начну с рассказа о себе – ведь я вижу его своими, а не чьими-то глазами. Моему появлению на свет именно в Мариинске (я родился 22 мая 1935 года) способствовали несколько обстоятельств. После окончания русско-японской войны демобилизованный унтер-офицер 166 Ровенского пехотного полка Алексей Григорьевич Коржинский (1874-1942), возвращаясь в родную Каменец-Подольскую губернию, проехал через всю Сибирь и выбрал для будущей жизни территорию между Красноярском и Новониколаевском. Дома он женился на девушке из украинско-польской семьи Христине Кондратьевне Сербанюк и сходу отправился с молодой женой в облюбованные места. Помыкавшись между Красноярском и Тайгой, Коржинские обосновались в Мариинске, где мой дед устроился кондуктором на железной дороге. Стали они жить-поживать, и родилось у них пятеро детей – четверо сыновей и одна дочь. Гражданская война, Колчак, чехословацкий мятеж, разные банды... Двоих сыновей унесли болезни, один погиб в шахте... Остались дочь Анна и сын Иван.

Мама моя, Анна Алексеевна Коржинская (1912-1999), по образованию учительница младших классов, комсомолка тридцатых годов, так и работала бы в школе, но тут для дальнейшего прохождения военной службы в Мариинск прибыл младший командир Красной Армии Яков Григорьевич Дорожкин (1908-1944), уроженец Пензенской губернии. Образовалась новая маршинская семья – родители и мы с сестрой Светланой. Отец был участником военных действий на

КВЖД и Халхин-Голе. Оружейный техник, начальник боепитания, коммунист, на фронте с июля 1941 г. Сражаясь в рядах 140 Сибирской Новгород-Северской стрелковой дивизии, старший техник-лейтенант Я.Г. Дорожкин погиб в 1944-м под Тернополем. А мамин брат Иван Алексеевич Коржинский (1915– 1998), дядя Ваня, один из организаторов спортивного движения в городе, отслужив 8 лет на Тихоокеанском флоте, вернулся в Мариинск в конце 1945 года и стал учителем физкультуры.

Помню себя примерно с 1938 года. Жили мы на Угольной улице, в доме № 6. Этот дом мой дед А.Г. Коржинский построил в 1919 году. Комната, кухня, русская печка, сени, кладовка... В ограде стайка для коровы. В огороде картошка, овощи, тыквы и дыни, черёмуха, смородина, малина, боярка, ранетки. Снаружи у дома палисадник и пять огромных тополей. Угольная – улица небольшая, всего 12 домов. Вся улица покрыта густой травой. Дорогой служит неширокая тропинка.

Что для меня Мариинск? Это лица моих родителей, бабушки и деда, сестры Светланы; это образы родного дома и Угольной улицы, где соседи знали меня по материнской фамилии – как Коржинского. Это Кия с её пляжами и островами, обрывистый берег под дорогой на Баим, где переправа на другую сторону, к Белому Камню и Арчекасу. Это постоянный маршрут с коромыслом от дома до водокачки возле магазина «Томпо» и обратно. Это клуб имени Берия, Дом культуры в здании бывшей деревянной церкви в горсаду, метеостанция в бывшем костёле, почта в бывшей синагоге на Ленинской улице, магазины «Колокольчик», «Угловой», «Раймаг», «Когиз» (книжный).

Каким книжным городом был Мариинск! Нас с сестрой с детства окружали книги. Мама читала нам Чуковского, Маршака, А.Барто, С.Михалкова, Л.Квитко... А бабушка, Христина Кондратьевна Коржинская (1880-1959), хотя была неграмотная, но знала, кроме русского и родного украинского, языки польский и еврейский – идиш, на память читала нам все сказки Пушкина, которые запомнила, когда её дети

поколения, прошли одинаково. В детстве мы носили сатиновые шаровары с резиновыми кедами и кирзовыми сапогами, зимой одевались в фуфайки и валенки. В начале 70-х стали входить в моду болоньевые плащи и вельветовые костюмы, переносные транзисторные приемники. Каждую осень были бесконечные ряды колхозной картошки, прокопанные тракторной картофелекопалкой. Эти ряды картошки я убирал в школе, потом в техникуме, первую осень в армии, в институте. Порой казалось, что эта уборка картошки никогда не закончится, но пришло время, и закончилась не только картошка, но и колхозы прекратили свое существование.

Прошедшим летом я тоже приезжал в Мариинск. Мы с братом меняли перекрытие над погребом, строили заново крышу над баней и погребом, старая совсем сгнила. Как Ленин на субботнике, носили бревна на своих еще крепких плечах. Поднимали профнастил. Подошел сосед, мой друг детства Вовка Заворотинский. Мы с ним вместе учились в школе, потом в техникуме, даже в армию в одном вагоне ехали и в Казани вместе в «учебке» служили. После армии я уехал в Кемерово учиться, а он женился и пошел работать. У него трое детей, внуки, земные заботы. Отец его, дядя Ваня, умер, а мать живет в том же доме. Недавно он сделал на доме новую крышу и перекрыл ее бирюзовым профнастилом.

Здесь легко высыпаться – мы вставали около шести утра. Ясное небо, утренняя прохлада. Жужжат комары, чирикают воробьи у забора.

На кухонном столе - огурцы в пупырышках... запыленные... серовато-зеленые... один к одному... хрустящие и дурманящие запахом свежести. Помидоры – огромные красно-зеленые, лопнувшие с одной стороны от величины и спелости... разломленные - блестят сахарными кристаллами.

К обеду на улице становилось нестерпимо жарко, солнце жгло землю, и работать было невозможно. Брат предложил съездить на озеро, я с удовольствием согласился. Мы ехали на «девятке» по просёлочной грунтовой дороге. Мягкая и удобная в сухую пору, она становится не проездной

ной ватагой шли в лес, ломали кусты . пучки, из них получались трубки, на голову цепляли ветки из папоротника и, разделившись на команды, обстреливали друг друга, бегая по чаще леса.

Когда я окончил 6 классов, отец купил мне велосипед с мотором. Такой же велосипед был и у Мишки Трифонова. С Мишкой мы несколько лет были неразлучными друзьями. Ездили на рыбалку на дальние озера, забирались в таежные дебри посмотреть первозданную природу. Иногда просто в лес за грибами.

Часто ходили на Кию. В районе лесозавода реку каждую весну при помощи толстых тросов перегораживали деревянной гаванью. Весь лес, который сплавляли с верховьев реки, приходил сюда, и здесь его выгружали на берег при помощи бревнотасок. Ниже гавани была чистая и глубокая заводь. Здесь было излюбленное место для купания и рыбалки. Вода в реке была прозрачная даже у берега, можно было нырять с открытыми глазами. На другой стороне реки расстилалась большая луговина, заросшая высокой травой и кустами черемухи, а за ней начинались горы Арчекасского кряжа. Ну не совсем горы, они были больше похожи на холмы. Туда мы не ходили, так как там повсюду встречались ядовитые змеи.

Сейчас у матери в доме центральный водопровод из реки. Когда я приезжаю к ней в гости, то сразу замечаю необычайно мягкую воду, без примесей железа и кальция, которая обычно течет из крана. Я много раз бывал на Байкале, но мне кажется, что вода в Кие мягче, чем в священном озере.

Вскоре у меня началась другая жизнь, полная ответственности за свои поступки, вскоре я поступил в Мариинский лесотехнический техникум. Я с удовольствием постигал науки: теоретическую механику, сопромат, устройство автомобилей и тракторов. С особой благодарностью вспоминаю своего классного руководителя Соловьеву Феохтисту Ивановну, преподавателя Грищенко Сергея Григорьевича.

А впрочем, мое детство и юность, как и всего моего

читали вслух, а также украинские народные сказки и стихи Некрасова. Где-то лет с 4-5 мы уже сами читали русские народные сказки, журнал «Мурзилка», алтайские сказки и сказания, сказки народов Севера и Сибири, ворошили подшивки журналов «Крокодил», «Работница», «Вокруг света»... А на этажерке нас ждали академическое собрание Пушкина, «Витязь в тигровой шкуре», Малая советская энциклопедия, «История гражданской войны в СССР», «Краткий философский словарь», Гоголь, Чехов, Зоценко, А.С. Макаренко, Марк Твен, Б. Ясенский, К. Радек... А сколько книг было в доме соседей Кожсейкиных, живших напротив! Шёл постоянный обмен. Много было в городе частных библиотек с дореволюционными изданиями. Богатая библиотека была и в школе...

Да, ещё для меня Мариинск – это наши соседи по Угольной улице. Помню их фамилии: Кожсейкины, Губины, Чечкины, Нех, Ревинские, Круль, Круковские, Малыхины, Пуховы, Саврасовы, Бердники, Прилуцкие...

Это - железнодорожная школа № 42, где я проучился десять лет. Прекрасные учителя, которые не оказывали нам «образовательные услуги», но учили и воспитывали нас - Александра Яковлевна Сухорукова, Лидия Венедиктовна Иванцова, Тимофей Львович Рычков, Мария Фёдоровна Чудиновских, Леонтий Иванович Онищик, Марта Георгиевна Кербс, Полина Абрамовна Янкелевич, Ирина Яковлевна Нейфельд, директор Григорий Анатольевич Гольденберг, Никита Филиппович Иваницын, Иван Александрович Лосев, Иван Алексеевич Коржинский, Альбина Павловна Коржинская, Александр Александрович Энгельке, Николай Николаевич Гаазе...

Это мои друзья и одноклассники разных лет, самые близкие из которых – Александр Бахарев, Борис Кононов, Бруно Кербс, Анатолий Щавин, Лев Хромов, Валентин Поликарпов...

Мариинск – это удивительное сочетание почвы, воды и воздуха, которое позволяет людям выращивать уникальные по качеству и длительности хранения картофель, мор-

ковь, лук и чеснок. Когда я из отпуска привозил иногда эти плоды, а с ними квашеную колбу, пареную калину и молотую черёмуху, жена показывала эти чудеса природы нашим друзьям и соседям: «Вот что такое наша Сибирь, наша Русская Азия!» (сама она родом из Даурии). Я не раз проводил отпуск на родине вместе с сыном, когда ему было 5, 10, 11, 12 лет, и до сих пор он хранит любовь к Мариинску, который называет «местом силы» по аналогии с Непалом и Перу, знакомым ему по научно-практическим экспедициям (он врач, психиатр-нарколог). Дочь (она филолог и журналист) побывала в Мариинске один раз, двенадцатилетней, но на вопрос «Вы из Сибири?» всегда с гордостью отвечает: «Не без этого!». А какой был восторг, когда в краеведческом музее она увидела на фотографии выпускников 42-й школы мою маму: «Это же моя бабуся!». А парашютная вышка, с которой в 30-х годах прыгала её «бабуся»! И, конечно, купание в Киш...

Вот, в основном, такие ностальгические воспоминания о Мариинске. А в стихотворной форме они составили две подборки – «Сон о родном городе» и «И снова на памяти это...».

Современного города я практически не знаю, разве что по газете «Вперёд», которая хорошо вывешивалась в Интернете, к сожалению, в последнее время нет...

Я тогда уже знал кто такой Сталин, но смысла наколок не понимал. Я не придавал этому значения и даже не спросил отца. В следующий раз в бане уже двое мужчин были с такими наколками, но того, которого я видел в прошлый раз, в бане не было. Мне было семь лет, и я просто не знал гулаговской и Колымской трагедии, пока в студенчестве не услышал песню Высоцкого про баньку, и там были слова: «... а на левой груди профиль Сталина, а на правой - Маринка анфас». Тогда я невольно вспомнил тех людей, с которыми я встречался в бане.

Потом мы с отцом ходили в парную и сидели на ступеньке полка, потом необычайная лёгкость в детском теле и хруст морозного снега под ногами, когда возвращались после бани домой. Тогда-то я впервые осознал себя почти взрослым и потом с нетерпением ожидал следующей субботы, чтобы снова пойти с отцом в баню. Все так и шло, пока дед Степан, отцовской тетки Дуни муж, не построил нам свою собственную бревенчатую баню. Бревна жёлтые, смолянистые, доски на полу и потолке строганные, пахнут хвоей. Вдыхаешь их аромат, не надыхнешься! У деда Степы и бабы Дуни не было своих детей, и его медаль «За взятие Вены» хранится у меня.

В субботу, после работы, мы с братом носили воду в баки – для горячей и холодной, готовили дрова. Мать с сестрами на кухне готовили ужин, и потом, после баньки, все садились за стол, уставленный разносолами. Тут тебе и салаты всякие, и мясо жареное да пареное, и печенье какое-нибудь, и кисель ягодный, но главным блюдом была крестьянская похлебка. Это натертая на терке редька с квасом. Конечно, банька была отцу в удовольствие и усладу. А после можно и стопочку пропустить, но никогда он не напивался. В огороде у нас рядами росли кусты чёрной смородины, малины, ранетки. Птицы перелетали с ветки на ветку, щебетали, пели заливисто на разные голоса. Выйдешь летом на улицу – благодать! Улицей была огромная степь, уходящая вдаль к лесу на несколько сот метров. В лесу буйствовали заросли черемухи и калины. Когда они начинали поспевать, мы друж-

в крестьянстве к восемнадцати годам юноша умел делать всё, что умел его отец, а девушка к шестнадцати годам умела делать всё, что умела её мать. Это был порог зрелости молодых людей, способных образовать семью и жить самостоятельно.

Мои родители были малограмотными, но нам, детям своим, всем без исключения дали образование, помогая, где копейкой, где продуктами, встречая с любовью и провожая с любовью взрослеющих птенцов своих, которые один за другим вылетали из родительского гнезда уже в самостоятельную жизнь, образуя семьи собственные. Старшая сестра, Любовь Васильевна, закончила Кемеровский Государственный университет и всю свою жизнь преподавала в школе химии, затем работала завучем в педучилище. Брат, Александр Васильевич, закончил Мариинский лесотехникум, затем Томский инженерно-строительный институт, строил на БАМе и не только на БАМе дороги и мосты. Сестра, Надежда Васильевна, как и старшая, закончила Кемеровский Государственный университет, работала в НИИ «Карболит» в Кемерово. Ирина работала на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае, экономистом, затем вернулась в Сибирь, в Иркутскую область.

Сумели родители заложить в своих детей такие качества, как любовь к Родине, труду, порядочность, честность и достоинство. Заложить не посредством палки, назидательных речей, а увлекая своим личным примером.

Я помнил то время, когда все ходили в общую баню, как отец мой ходил в общую баню, как готовился к ней, как мать утюжила ему исподнее, брюки, рубаху, как собирала сумку, и как шагал он каждое воскресенье с веником под мышкой. Помнил и то, как впервые был взят в баню родителем, отец зашел за мной в школу, я тогда учился в первом классе. Долго стояли в очереди, потом раздевались под шуточный разговор мужиков,

Я помню, напротив нас, на деревянной лавке, сидел седой худощавый в теле мужчина, на его груди был наколот портрет Сталина, а рядом лицо красивой девушки

«Дом моего детства»

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске... Моя семья приехала в Мариинск в 1954 году, когда мне едва исполнилось 5 лет. Родители купили небольшой домик № 48 по улице Водопроводной.

Дом, двор, огород – всё было как обычно, как всегда бывало, только помню особенность – плохонькие сени (мы называли коридорчиком), а вместо крыльца – толстая круглая чурка, которая, видимо, служила ещё и местом рубки дров. Внутренний интерьер дома тоже был типового устройства: небольшая прихожая с отгороженной занавеской кухней и вешалкой, из прихожей был вход в комнату, одну, которая служила и залом, и спальней, и детской. Отец был мастеровым человеком, мама – хозяйственной, на все руки мастерицей, и скоро дом был обмазан и побелен, на окнах появились занавески: верхние – с вязаным узором и нижние – из белого ситчика. В комнате стоял оставленный прежними хозяевами, по фамилии Пичугины, стол, застеленный самотканой скатертью, две кровати, родительскую отгораживала ширма, а возле печного обогревателя – сундук. Последний имел много назначений: в нём хранилась одежда, а в прищипке, небольшом отделении – документы, спицы, иголки, нитки и много для меня интересных вещей. У сундука имелась клямка для замка, носундук никогда на замок не закрывался. У нас в Чебулинском районе было много родни, и все родственники, приезжающие в Мариинск по делам, на учёбу, в гости, спали на этом сундуке, приставив под ноги табуретку.

А если у кого из нас начинался озноб, заболела спина, сундук становился лекарем, прогревая болезного. Печка была обыкновенная: топка и поддувало, между которыми колосник, плита с двумя круглыми отверстиями, закрываемыми кружками, духовка и две (вставленные в тело печи чугунные куски трубы), в них обычно сушились рукавицы. У печки, как всегда, ютились кочерга, совок, веник и маленький тазик или большая чашка, в которой в дом заносили уголь, зима считалась холодной, если в день сжигалось 3-4 чашки – такой эталон тепла.

Отец сделал для кухни стол и шкаф, стол закрывала клеёнка, а шкаф был за цветной занавеской. Про клеёнку – особый разговор, в магазинах её, как и многого другого, не было. Вот такую ценную мелочь возил по улицам тряпочник.

празднику. Фундамента под домом почти не было, и брус уложили прямо на сырую землю. Он же и служил фундаментом. Поэтому дом на глазах вращался в землю. Стены и потолок были обшиты сухой штукатуркой, под которой вскоре поселились мыши.

На следующее лето мы занялись ремонтом нового дома. Поднимали брусья, заливали бетон, конопатили паклей стены, утепляли потолок.

Во дворе стояла стайка, рядом с ней дровяник. В те годы каждый имел на своём подворье корову, поросёнка, курей – всё это было и у нас. В хозяйственном дворе постоянно была тень. Снег таял поздно. Идёшь по мокрым доскам, в нос бьёт влажный запах навоза, пихтовых и берёзовых дров.

Здесь же я пошел в 7ю школу и как каждый ученик, с благодарностью вспоминаю свою первую учительницу Нину Александровну Добромыслову.

Родителям я обязан тем, что они приучили меня к труду, так что во взрослую жизнь я вступил уже сформировавшимся человеком, которого нельзя было испугать никакими лишениями.

Я не помню своих родителей вне работы, потому и мы, их дети, не знали праздности. Ничего не делать, тогда как мать и отец трудятся, для нас было чем-то неправильным, порочным, против тех заповедей, о которых упомянул выше, хотя в церковь мы не ходили и книг церковных не читали.

Не поминали всуе Бога и мои родители, но жили с оглядкой на то, что скажут о них люди, с оглядкой на упомянутые заповеди. С доброй памятью об ушедших из жизни стариках, словно они, откуда-то сверху наблюдают за тем, как они живут, как трудятся, как воспитывают своих детей, как поступают и на что равняются.

И мать, и отец знали и умели делать любую работу, какая была в те годы востребована в хозяйстве, чему в свою очередь научили их мои деды и бабушки, прадеды и прабабушки. И как тут не вспомнить слова писателя Василия Ивановича Белова, отметившего в книге «Лад», что

Повседневные заботы, реже радости полупрозрачными слоями отделяют детство. Годы наслаиваются как-то незаметно, как очередные древесные кольца, слой за слоем. И с каждым новым наслоением вроде бы ничего не меняется, а всё же разглядеть глубь труднее. И только необъяснимым наростом: причудливым капом на гладком стволе памяти, ядовитым грибом или лечебной чагой выступают из прошлого лица, события, символы.

Семья – первооснова всего и вся, с чем в своей взрослой жизни соприкасается человек, на что влияет, к чему стремится, какое поле деятельности выбирает.

Моя семья – самая простая. Отец, Василий Петрович, из крестьянской семьи. Мать, Нина Васильевна, тоже из племени крестьян, впоследствии много лет отработала на мебельной фабрике. Это ее предки из числа переселенцев, приехали в Сибирь. По натуре мои родители труженики, с раннего детства усвоившие главные, прописанные в Евангелии, заповеди: не убий, не укради, не живи противу совести...

Поселок, в котором мы жили, состоял из двух улиц: Фурманова и Белинского. Располагался он между районами «Стройка» и «Сиблаг». Дом наш был деревянный, одноквартирный, неблагоустроенный — роскошь по тем временам.

Все дома были ведомственные, принадлежали они лесоперерабатывающему комбинату. Жили здесь в основном одни шофера лесовозов, сварщики, диспетчеры, ремонтники. Зарплаты в лесной промышленности были неплохие, особенно у шоферов лесовозов. У некоторых в гараже стояли «москвич» или «Жигули». У многих были мотоциклы, мопеды. У нас был «запорожец». Неприхотливая и полезная в хозяйстве машина. Отец, когда вышел на пенсию, возил на нем траву для кроликов, иногда ездил на рыбалку. У моего брата была «Ява», у меня - велосипед с мотором.

Строительство домов на нашей улице велось спешно, наверное, торопились отчитаться к какому-нибудь получа

Как только начинал звучать долгожданный голос: «Тряпке, тряпке, тряпке!», ребята и женщины хватили приготовленные старые платья, телогрейки, платки и бежали к повозке, чтобы обменять их на дефицит. Дети со страхом смотрели на безмен (весы) в руках тряпчоника – хватит ли на красный, зелёный или синий надувной шарик.

Но продолжу путешествие по дому. На печке у нас всегда стоял чугунок, в нём варили первые блюда, его зауженная нижняя часть через отверстия плиты опускалась в печь, поближе к огню. Была пара сковородок. А чтобы управляться с этой утварью, на припечке, выступе на плите, всегда ждал ухват. Этот инвентарь до сих пор верой и правдой служит моей сестре, его иногда ещё называют сковородником.

В шкафу хватало места немудрёной посуде: гранёные стаканы, алюминиевые кружки, вилки и ложки, фаянсовые тарелки, железные чашки. А ещё я помню отцовскую фронтальную фляжку, зеленоватую, плоскую, слегка помятую, с закручивающейся крышкой на цепочке.

В коридорчике отец наделал разных полочек, какие-то служили зимой холодильником, на каких-то лежали деревянные колодки (отец умело шил тапки, сапоги), там же стояла металлическая лапа, на которой он тачал и ремонтировал обувь. Для пошива кожаной обуви и подшивы валяной папка пользовался дратвой. Мы брали суровые (толстые) нитки, натягивали их через все комнаты в несколько слоёв (редей, - говорил он), потом натирали их мылом, гудроном или варом, получались крепчайшие нитки.

Иногда в дом вносили громоздкие кросна, это такой ткацкий стан. Примерно как отец делал дратву, мы с мамой сновали долевы нити половиков, нити эти так и называются – основа, их заправляли как-то хитро в кросна, а потом между ними бегал челнок с утком, и каждый раз эту нить прибавали к предыдущей бёрдом. Я внимательно следила за процессом рождения половика, но сама вечно путала, какой ногой наступить на поножи, поэтому мне позволялось не поработать на кроснах, а поиг-

рать. Я их до сих пор боюсь, хотя, уже будучи в возрасте, видела эту игрушку в Чебулинском музее. И ещё один процесс запомнился мне, как мы стежили одеяла. На одно сатиновое полотно раскладывали ровным слоем вату, другим полотном прикрывали, края сшивали, потом все три слоя смётывали. Этот полуфабрикат накручивался на вал, он вставлялся в особый стан, и, постепенно разматывая одеяло, мы вышивали на нём рисунки, прокалывая насквозь, чтобы вата не сдвигалась.

...Время рождает новые слова, а в памяти у старшего поколения ещё звучит старая лексика, которую с успехом вытесняет новый быт.

Вот старый дом,
Где счастливы мы были
И где живут
Теперь другие люди.
Вхожу сюда,
Пройдя года седые,
В объятья стен,
Свидетелей и судей.
Витают здесь,
Среди чужих кроватей,
Былая тень
Сплетённых рук и мыслей,
И голоса,
Ту нежность не истратив,
Звучат опять,
Виски мне больно стиснув.
Тепла здесь печь,
Что мы тогда сложили,
Зовёт окно,

ухаживали за ней, доили, косили сено, чистили стайку, пасли стадо по очереди каждое лето. Старшие вырастали и уезжали из дома, на смену им приходили младшие. Конечно, большая часть забот все равно выпадала на долю хозяйки дома. Когда корова состарилась, а это было в то лето, когда я перешел в седьмой класс, корову сдали на мясокомбинат.

В 1999 году мы со старшим сыном Александром приезжали на 80-летие к отцу, а 25 марта 2002 года отца не стало. Он не дожил 10 дней до 83-летия. С тех пор мать живет в доме одна. Она не хочет ехать к своим детям, считая это лишней обузой для них. Здесь она сама себе хозяйка. Здесь ее чугунки, кастрюли, каждый стоит на своем месте годами. Здесь же, в серванте, ее любимая чашка и ложка с кружкой. Все ее родное, и к нему она привыкла за много лет. Променять это на что-то другое ей не хочется. Несколько лет назад мой старший брат Александр провел в дом матери воду, проложил канализацию, и жилье сделалось комфортным и удобным. Все бы хорошо, но вот только здоровье с годами уходит, как вода через решето.

Вечером сидим с матерью на кухне, на столе, который сделал мой прадед Павел, - картошка, квашеная капуста, сыр, творог, молоко. Сестра Ирина с моим сыном Василием ушли в гости к материному брату Алексею и его жене, тете Зине. После ужина вдвоем говорим о жизни - бытве. Она иногда смутно помнит, что было вчера, но то, что было давно, много лет назад, в ее детстве, она помнит очень хорошо, помнит фамилии и имена даже с отчеством председателей колхоза, соседей и тех людей, с кем ей тогда приходилось общаться.

Через людей, проживших тяжелую и трудную жизнь, через их дела и поступки мы убеждаемся, что прошлое не ушло. Оно живет в нас, в нашем мировоззрении, мыслях, поступках, образе жизни. Оно переходит по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Общество, в котором мы живем, само того не замечая, зависит от нравственности и степени духовного родства со своими предками.

шлак, опилки и прочие отходы, от которых поднялась она чуть не до окон, но грязи от этого не убавилось. Эти крутые края горного Арчекаса, поросшие густым лесом, маячащие в дымке за рекой.

Здесь прошло мое детство, учеба в школе и техникуме. И в поиске своего места на земле, после окончания Кемеровского технологического института пищевой промышленности, по распределению молодых специалистов, я пустился в далекое странствие на восток, в Иркутскую область. Там родились дети, в сердцах которых также живет стремление к поиску собственного счастья. И это движение никогда не закончится. Видимо, в этом и есть смысл нашего бытия, нашей жизни.

Вот родной дом, отсюда меня призвали в ряды Советской Армии. Мать вышла на улицу. Из-под красного платка, покрывающего голову, выбилась прядь седых волос; в коротенькой, облегающей тело душегрейке, на больных, не сгибающихся ногах, она до боли в глазах вглядывалась в идущих навстречу людей. Чувало материнское сердце, что родимые детки где-то в близкой дороге. Вот она спешит к нам. Прищуристо оглядывая мокрыми от счастья глазами, с нахлынувшей радостью обняла сына, дочь, потом внука, и, вытирая уголком платка глаза, пригласила в дом:

- Проходите, деточки, проходите.

Моей матери, Киреевой Нине Васильевне, 14 февраля 2016 года, исполнилось 93 года. Родилась она в Кемеровской области, Верх-Чебулинском районе, в деревне Черемушка; окончила 7 классов. Вместе с моим отцом, Василием Петровичем, они воспитали пятерых детей.

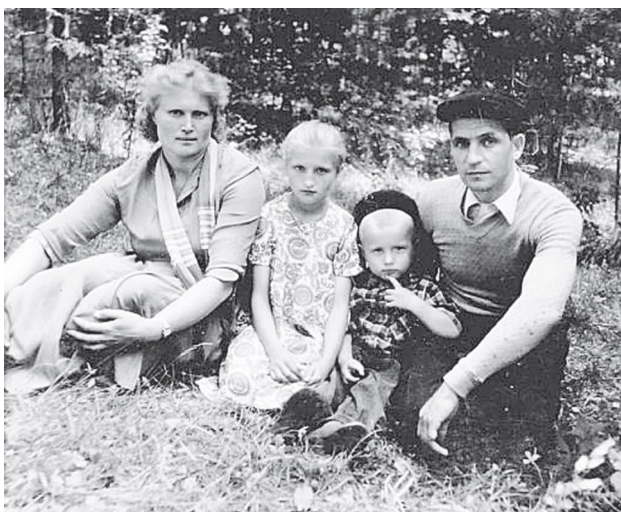
За плечами ее долгая и трудная жизнь. Деревенские дети в то время росли трудолюбивыми и во всем помогали своим родителям. Трудовые навыки, полученные в детстве, мать сохранила на всю жизнь. Всему ей пришлось научиться: и прясть, и ткать, и корову доить, и лес пилить во время войны. В моем раннем детстве она вышивала наволочки, полотенца. Руки у неё никогда не знали покоя. Сколько я себя помню, наша семья всегда держала корову. Дети постоянно

В которое глядели.
Прости нас, дом,
Где мы когда-то жили,
Что уберечь
То счастье не сумели.

От горсада до Киш

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске... А начиналось оно в с. Усть - Чебула Чебулинского (в то время Мариинского) района. Здесь пошла в школу, училась до 6-го класса. Была председателем совета дружины. В конце мая 1964 года в Мариинске проходил пионерский слет. Лучший отряд по итогам года - а это был 4 класс - направили на этот слет. Сопровождали отряд старшая пионерская вожатая Любовь Романовна Антипова, учительница Надежда Федоровна Бабич и я.

Семья Долговых в городском саду. 1964 г.

Рев тракторов и грохот бревнотасок стоял здесь днем и ночью. Выгруженный лес перерабатывали на тару для обрешетки, делали мебель, распускали на доски и брус для строительства нового жилья, отгружали крепи на шахты Кузбасса, а деловой лес отправляли в степные районы страны. Даже запустили производство древесной муки.

Я хорошо помнил огромное здание ремонтных мастерских, где имелось до десяти-двенадцати боксов, вулканизаторная, цех по ремонту двигателей, топливной аппаратуры, коробок скоростей, других узлов и агрегатов. Цеха никогда не пустовали, потому что заготовка древесины – это нескончаемый конвейер, обеспечивающий работой бригады в лесосеках, шоферов по доставке леса на нижний склад и рабочих по переработке древесины в цехах предприятия.

Из года в год наращивал производство лесозавод и к восьмидесятому году превратился в широкопрофильный комбинат. Но в начале девяностых грянула перестройка.

Из окна автобуса сквозь густой и вялый морок утреннего тумана я видел разобранные заборы, разрушенные наполовину цеха, остовы трелевочных тракторов.

- Вот и гараж, где раньше работал дед, - повернувшись к Васе, без всякого восторга и удивления сказал я, потому что, кроме стыда, больше ничего не было в моей душе и, покачав головой, добавил, - а за ним - нижний склад.

- Это где бревна из земли торчат? - указал вдаль рукой Вася.

- Да! Там. Видишь, до самой реки все чисто. Ничего не осталось от комбината, только одно воспоминание да земля, развороченная гусеницами тракторов.

Вышли из автобуса, вдохнули родной, пахнущий детством, сырой, морозный воздух, огляделись. Жуткая, непривычная тишина стояла вокруг, только в поселке был слышен лай собак.

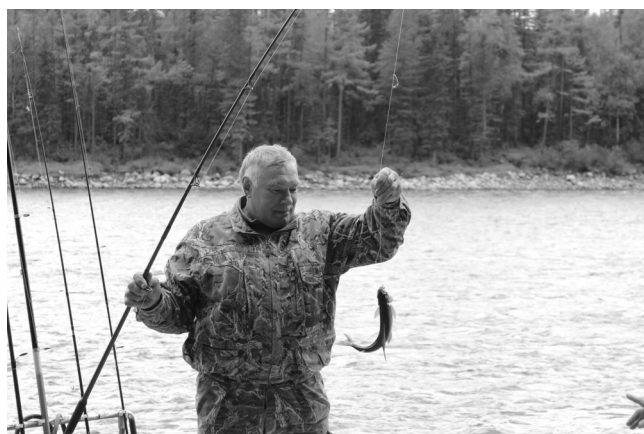
Здесь, как и прежде, все та же улица, на которой живет мать, потемневшие и покосившиеся от времени дома, прижатые сырой, холодной тенью, сгнившие заборы и палисадники с поникшими деревьями; все замерло в утреннем ожидании..

Здесь жили наши родители и в последние годы перед пенсией работали на этом предприятии, которое занимало огромную площадь, расположившись на берегу реки.

Родительский дом

Сюда, на берег Кии, выгружался лес. Сплавляли его по реке молевым сплавом по несколько тысяч кубометров за летний сезон. Зимой и летом бесконечно вывозили лесовозами из отдаленных поселков, Казанка и Таежная Михайловка, за добрую сотню километров, а то и подальше.

Рыбалка на реке Кия

Ехали в Мариинск и мои родители, но не по служебным делам, а везли мебель и вещи - мы купили дом на ул. Некрасова, и семья переезжала в город. Первый день пребывания в городе меня заворожил. В городском саду проходил большой детский праздник: общая линейка, аттракционы, просмотр фильма в клубе (был такой в саду), песни у костра. В перерывах разрешалось погулять по скверу, что начинался от сада и тянулся вдоль ул. Ленина до ул. Кольцова. Какая красота! Зеленые кусты и деревья, клумбы, лавочки, скульптуры, фонтан. В киосках - мороженое, пирожные, газировка.

И вот наша семья – жители Мариинска. По воскресеньям любили с отцом ездить на рынок. Остановка автобуса № 3 (маршрут ул. Коммунальная – Лесозавод) находилась около магазина «Физкультурник» (был такой на ул. Чердынцева). На существующей сейчас территории рынка в крытых павильонах продавали: в одном - мясо, а в другом молочную продукцию. Торговля шла и с машин и на прилавках. Рядом с рынком была столовая. Иногда отец заводил нас туда и угощал чем-нибудь вкусеньким. Но рынок тогда занимал не только ту площадь, которую занимает сейчас, а еще и территорию, на которой находится мемориал Славы. Там продавали домашних животных, корма, различный домашний скарб. На углу улиц Ленина и Тракторной (теперь ул. 50 лет Октября) было фотоателье. Так вот, побродив по рынку, купив что нужно и обязательно серу (это такая жвачка из смолы хвойных деревьев), в киоске у выхода отец брал нам мороженое. Мороженое продавалось на вес в стаканчики бумажные или вафельные: сливочное 100 г - 13 копеек, 150 г – 20 копеек, шоколадное 100г – 15 копеек, плодово-ягодное (розовое) – 7 копеек.

Назад шли пешком по левой стороне улицы - слева от сквера - по деревянному тротуару мимо домов, украшенных красивыми наличниками и кружевными карнизам. Возле магазина «Колокольчик» опять угощались мороженым.

Слева от магазина находилась контора «Гортопа». Там выписывали уголь. Во дворе было несколько жилых квар-

тир и конюшня. Лошади использовались для вывозки угля и других нужд. Справа от магазина «Колокольчик» – детский сад, за деревянным забором несколько низких деревянных зданий с насыпными завалинками. Здесь работала поваром моя двоюродная сестра Аграфена Григорьевна Семенова.

Кинотеатра «Юбилейный» еще не было. На месте нынешних пятиэтажных домов слева от педучилища был стадион, справа - до филиала школы № 2 - какие-то покосившиеся домики, магазинчики. Здесь тоже покупали мороженое.

Очередную порцию мороженого покупали на углу у школы работающей молодежи (ул. Ленина, 3), и последний стаканчик получали возле «Физкультурника» на ул. Красный Строитель (сейчас ул. Чердынцева). Здесь покупали мороженое и для тех членов семьи, которые в этот раз не были удостоены похода на рынок (чаще всего это была мама).

Возле нашего дома обычно собиралось до 40 детей разного возраста. Никто никого не обижал. Все дружно играли в одни игры: булавочку, колечко, глухой телефон, фанты, догонялки, прятки, штандер, вышибалу, лапту, баскетбол, волейбол, футбол и др. Готовили номера художественной самодеятельности и выступали с концертами перед бабушками. Зимой катались на санках, лыжах, коньках, гоняли шайбу, рыли окопы в сугробах, начиная в нашем огороде, заканчивая через 6-7 огородов. На коньках катались на катке, который заливался на берегу Киш, а когда не было времени на такие походы, расчищали возле дома замерзшие лужи.

1 сентября 1964 года я пошла в шестой класс. Впервые пришла в школу № 2 на переключку с соседскими девочками. В огромном школьном дворе я растерялась и... потерялась. Уже хотела уйти и вернуться в деревню. Благо, там осталась бабушка и две тети. Оказалось, что в школе четыре 6-х класса, в каждом под 40 учеников. Кое-как со слезами на глазах нашла себя в списке 6 А класса... Меня сразу же привлекли к общественной работе: была вожатой октябрят, членом учебного сектора, посещала кружок в библиотеке.

Принимала участие в художественной самодеятель-

Черниговской губернии.

В те времена, день и ночь по транссибирской железнодорожно-рожной магистрали на восток шли поезда, с российским людом, смело снявшимися с насиженных мест и пустившимися во все тяжкие. Словно пробудившись ото сна, сотни тысяч крестьян отправлялись осваивать неизведанные земли за Уральским хребтом. Причем ехали в основном молодые, крепкие, здоровые, полные энергии люди. Подобно строевому корабельному лесу, они стремились отвоевать себе место под солнцем, и в этом стремлении были сплоченными и напористыми; человеческая масса решительно заполняла те пустые земельные пространства, которые были пригодны для земледелия, рассредоточиваясь по всему бескрайнему матерку. Подобно тому, как семь веков назад волны кочевников устремлялись на завоевание Великой Руси и Европы, теперь русаки, хохлы и белорусы надвигались на азиатские просторы, обжывая таежные распадки, заселяя собой огромные площади земли, пуская надежные корни, производя на свет сынов и дочерей — сибиряков по рождению.

Я, младшая сестра Ирина и мой сын Василий, сливаясь с толпой, вышли из вагона. Ирина и мы с Васей, неся в руках объемную дорожную сумку, перешли через железнодорожные пути и вышли к автобусной остановке. Она находилась почти в центре привокзального рынка. Несмотря на морозный день, продавцов было много, работали ларьки, выстроенные в один длинный ряд, здесь же торговали всякой снедью, семечками, орехами, листовенничной серой, просто ручными поделками.

Мы не успели осмотреться, как подошла тройка."

- Это наш автобус, хорошо, долго ждать не пришлось, - радостно проговорила Ирина.

Народ, толкаясь, набивался внутрь старого, небрежно окрашенного в бежевый цвет салона с исписанными спинками сидений и проржавевшим от времени полом.

Дернулись, но до конца не закрылись двери. Автобус взвыл монотонным дребезжающим гулом и тронулся. Минут через двадцать подъехали к району лесокомбината.

На Родине Очерк

Поезд Иркутск-Москва прибывал в Мариинск по расписанию. Тускло светило зимнее солнце, его лучи блекло освещали прокопченные угольной пылью крыши старых зеленых вагонов и робко заглядывали в спящие запотевшие окна.

Взвизгнув громким протяжным гудком, электровоз-тягач, тяжело подминая под себя стальные зеркальные рельсы, тормозил, выбрасывая из-под колес брызги соломенно-красных искр.

Скрипя тормозами и с шумом выпуская сжатый воздух, состав остановился. Из вагонов, суetyсь, выходили люди, вытаскивая свои чемоданы. Пассажиры, идущие на посадку, тоже торопились садиться в поезд. Многие из тех, что двигались дальше, в наспех одетых спортивных костюмах, неумытые, не чесанные, уже бегали по просыпающимся станционным ларькам в поисках холодненького пивка, кто-то - водочки на оставшуюся дорогу, ну а кто поистратился за долгий путь, пропился да проголодался - довольствовались корейской лапшой.

Станция эта узловая, поэтому поезда стоят здесь долго, иногда по двадцать – тридцать минут.

Именно сюда ранней весной 1902 года приехали мои предки в теплушке, плотно набитой переселенцами из

ности. Петь, танцевать не умею, а вот стихи читала, в пьесках, инсценировках участвовала. Здание школы меня тоже поразило - двухэтажное, кирпичное, не в пример деревенской школе. Но, как оказалось, оно все же было маловато, и к школе начали делать пристройку.

Занятия проходили в три смены. Восьмой класс мы уже заканчивали в обновленной школе. Как-то в город приехала съемочная группа Новосибирской киностудии «Сибирь на экране». Посетила она и нашу школу.

Уже после окончания школы, 22 октября 1969 года, мы с мамой пошли в кинотеатр «Юбилейный», перед началом фильма показывали киножурналы.

В тот день показали киножурнал «Сибирь на экране» № 20 за 1969 г. с сюжетом о нашей школе. Я всегда сидела за первой партой. И вот на экране кадр – моя рука открывает том Ленина. Потом Володя Ильин делает сообщение по производству Ленина. То чувство, которое я тогда испытала, не передать словами. Даже содержание фильма, на который мы пришли, не помню. Билеты до сих пор хранятся в моем альбоме (ряд 10, места 11 и 12, цена 35 копеек).

Кстати, о кинотеатре. «Юбилейный» был построен к 50-летию юбилею Октябрьской революции, т.е. к ноябрю 1967 г. До этого мы посещали кинотеатр «Комсомолец». В

том здании теперь находится библиотека им. Чивилихина. А до переезда библиотека ютилась на углу улиц Советская и К. Маркса, где сейчас магазин «Бирюса». Я очень любила ходить сюда в читальный зал. Переписывала в тетрадь стихи Э. Асадова, К. Симонова, Я. Смелякова, знала их наизусть. Полностью переписала поэму М. Алигер «Зоя».

Детская библиотека располагалась на 1-м этаже сегодняшней художественной школы, а на 2-м этаже был горком комсомола. Там меня принимали в комсомол. Музыкальная школа находилась по ул. Советской, 12 - через дом от нынешней парикмахерской. Строительство парикмахерской заканчивалось в 1968 году. Почему такая точность? Раньше школьная программа включала в себя летнюю практику. После 6 и 7 класса мы работали на пришкольном огороде, который находился за ул. Южной, возле Черного озера, рядом с огородом педучилища. По окончании 9 класса практика была объемнее, отрабатывали 21 день по 6 часов. Часть учеников работала на ремонте школы. Я, как освобожденная от физического труда, помогала учителям в оформлении раздаточного материала, а параллельный класс (кл. рук. Серая - Шматкова А.М.), который планировал экскурсионную поездку в г. Волгоград, помогал в завершении строительства парикмахерской, засыпал грунтом потолочное покрытие. Узнав о предстоящей поездке в Волгоград, мама попросила меня спросить у Александры Михайловны – возьмет ли она меня. В семье были материальные затруднения, и я стала возражать, а мама сказала – «такая возможность может быть один раз в жизни». Мамини слова стали девизом. Теперь, если я сомневаюсь в какой-то своей поездке, вспоминаю свой девиз и принимаю положительное решение. Из Волгограда маме в подарок я привезла двухцветную шариковую ручку - с синей и красной пастой. Она работала учителем в ШРМ № 2. Аптека № 53. Здесь мы с соседскими девочками покупали гематоген, витамины и фенолфталеин (пурген), при разведении которого с канцелярским клеем получали лак для ногтей. Продолжая мысленно путешествовать по городу детства, вспоминаю, что за углом по ул. Рабочей была «Кулинария» и ресторан «Кия». На противоположной стороне улицы - сквер с фонтанчиком в цен-

дороге на велосипедах, это было очень волнительно для тех и для других. Родители за нас не беспокоились, потому что знали – мы здесь, мы рядом. Просто гуляем «вокруг сада».

Вот так проходило мое детство, моя юность. Я даже не знала, что там делается за пределами своего лесозавода, как там живут люди, чем занимаются. Я, конечно, знала, что в «городе» есть горсад, есть где-то спиртзавод, «почтовка», «Баим», «Стройка», но мне хватало тех мест, где я жила вместе с родителями, с бабушкой, где были мои друзья и подружки. Мне хватало тех впечатлений и развлечений, которые были здесь, на лесозаводе.

Почему-то из детства вспоминается именно то, что связано с домом, с тем, что было рядом – школа, клуб, стадион, озеро, речка. Хотя были и поездки к родственникам в другие города, и какие-то еще события, но вспоминается именно это. Может быть, потому, что всего этого давно нет. И не просто нет, а нет совсем. Вернуться нельзя не в смысле времени, а в прямом смысле. Того лесозавода уже нет семнадцать лет. В страшном пожаре 1999 года сгорели завод и мебельная фабрика, сгорел клуб, библиотека, дом, где я родилась. Печальное зрелище представляет сейчас собой то, что там осталось, несмотря на новые выстроенные дома. Что сделалось с когда-то прекрасным садом, со стадионом? С улицами – Крылова, Суворова, Чернышевского? Камыши выше крыши и вечная помойка у бывшего детского сада.

У Геннадия Шпаликова есть замечательные, правда очень грустные строчки:

«По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне».

Вот такой он – обратный билет в детство. Хорошее, светлое, замечательное детство, которое никогда не повторится, но которое всегда с нами, пока мы живы.

лись умопомрачительные запахи. Я до сих пор помню вкус картофельного пюре, котлет и подливки, которые нам там готовили. Школа стояла рядом с нашим домом, к нашему двору прилегал пришкольный участок, где были грядки с овощами и большой цветник, а особенно запомнилась растущая там же кукуруза. Она нам казалась очень высокой, и мы очень любили прятаться среди этих густых стеблей, играя в индейцев.

Моя первая учительница Нина Григорьевна Вербенко тоже жила рядом, буквально через дорогу. Я часто бывала у них дома, она мне доверяла, как отличнице, даже проверять тетрадки и ставить красными чернилами оценки (конечно же, под ее присмотром).

Кто будет читать эту статью и вместе со мной вспоминать свое детство, наверняка вспомнят еще и гуляния «вокруг сада», как мы их называли. Это было время первых влюбленностей, время, когда мы вечером собирались с подружками – Галей Филатовой, Галей Колабуховой, Наташей Россининой и гуляли «вокруг сада». Таких небольших девичьих групп было несколько - по мере того, как мы ходили этими кругами, мы встречали других своих подружек, а если еще встретишь и знакомых мальчишек, которые гоняли рядом по

тре. А перед спуском к реке - буфет, официального названия не знаю, в народе его называли «Голубой Дунай». Перед входом стояла скульптура – мужчина держит на руках ребенка с голубем. В буфет этот мы заходили, когда шли на речку купаться или когда возвращались домой. Редакция газеты «Вперёд», как помню, всегда располагалась здесь. На первом этаже (вход прямо с тротуара) когда-то была «Фотография». Когда появились первые шариковые ручки, здесь за отдельным столом сидел человек, который за 8 копеек заправлял пустые стержни новой пастой. В сегодняшнем магазине «Флора и фауна» раньше был раймаг. Здесь отец купил мне в подарок на 15-летие наручные часы «Чайка». В школе № 2 я проучилась пять лет. Класс наш был дружный. Некоторые одноклассники по окончании 8 класса ушли из школы, продолжили обучение в техникумах и училищах. Класс пополнился ребятами, пришедшими из восьмилетней школы № 1, что находилась на ул. К. Маркса, 8, и деревенских школ. Многих друзей, к сожалению, уже нет в живых. С теми, что живут в Мариинске, дружим. Кто живет далеко - общаемся по интернету. Кто приезжает на свою малую родину - встречаем. В школе я познакомилась и подружилась со своим будущим мужем. В семье у нас родились три дочери, детство которых прошло в Мариинске.

вечером, когда начинало темнеть, здесь натягивали большой экран, и можно было посмотреть кино на свежем воздухе. Тогда почему-то это казалось очень приятно: и фильм сто раз видели раньше, а все равно сидишь и смотришь, как завороченный.

В клубе во времена моего детства стояли огромные печи, обитые черной жестью, которые нужно было топить дровами. Моя бабушка работала там сторожем, и я иногда помогала ей накладывать дрова на санки, перевязывать их толстой веревкой и везти в клуб. За это меня часто пускали в кино бесплатно. В фойе стоял бильярдный стол, местные жители, в том числе и мой отец, очень любили в выходной день погонять там шары. А мы, маленькие ребятки, болтались у них под ногами или играли под столом, который нам казался большим и уютным. Очень хорошо помню праздник 9 мая, когда в клубе собирались ветераны Великой Отечественной войны. Их было так много! Все с медалями и орденами, которые они надевали на эту встречу, и которые мы так любили у них разглядывать. Для нас они не были старыми, они были для нас дядей Лешей Ефремовым, дядей Ваней Степаненко, дядей Костей Басовым. Мы для них пели и плясали на сцене, им вручали еще какие-то награды, после чего в фойе начинал играть духовой оркестр, и устраивались танцы.

Когда вспоминаешь клуб, обязательно вспоминаешь и кино, афиши, которые рисовал Владимир Александрович Ключеров (в то время он работал заведующим клубом и по совместительству художником). Сеансы начинались летом в семь и девять часов, а зимой в шесть и в восемь. Иногда были и с 12 дня. На вечерние сеансы нас родители, конечно же, не пускали, мы ходили на дневной сеанс, с жутким опозданием в школу (те, кто учились во вторую смену). Не могу не сказать и про то, какими зрителями были наши лесозаводские жители. Самый престижный ряд в зале был девятый. Он был очень удобный, с него лучше всего было смотреть фильм. На нем могли сидеть только «свои». Если народу было много (особенно на индийские фильмы), то на этот ряд

1968 год - Я жил у дедушки с бабушкой по улице Советской. Да и потом, повзрослев, нередко приезжал к ним в гости. Всегда приятно возвращаться туда, где тебя любят и ждут! Это было самое беззаботное время в моей жизни, о котором я теперь вспоминаю с такой благодарностью и теплотой. Перед глазами встает весь нехитрый уклад дома деда Трофима и бабушки Анастасии: большой, охваченный по бокам крепкими железными лентами, добротный, старинный сундук, тяжёлые табуреты, а ещё - гордость нашего дома - резной самодельный буфет, высокий, со стеклянными прозрачными дверцами. Для него с величайшей трудностью моя бабушка доставала где-то специальный бесцветный лак и ежегодно обновляла и без того блестящие, точно смазанные маслом, красивые точёные боковинки. Заботливая хозяйка, моя бабушка во всём доме любила навести красоту и порядок. Кружевные подзоры, крахмальные салфетки, вышитые тонкой шёлковой нитью длинные шторы - всё это подбиралось с особой тщательностью и любовью. И пусть не было в доме какого-то особого богатства и роскоши, но всё здесь было наполнено счастьем и покоем.

Бабушка Анастасия с внуком Александром

Бабушка неутомимо хлопотала по дому, а мы с дедом Трофимом управлялись во дворе: латали старый забор, чинили крышу на сарае. По весне делали скворечники, зимой - кормушки для птиц, летом частенько ходили на рыбалку, ездили на велосипедах по грибы и ягоды. Я любил помогать деду, всегда мы были с ним вместе. Частенько ходили по черёмуху, через мост, на ту сторону речки. Спустившись с насыпи, переходили ещё речку Утяжку, а там - черёмушник, целое море! Мы не сразу принимались собирать ягоду, дед учил меня, что сначала надо попробовать, какая слаще, какая более крупная и рясная. А потом - один ветку держит, другой набирает. Так часа за два мы полные вёдра набирали!

Всегда ко всякому делу дед старался привлечь меня, заинтересовать. И для каждого времени года у нас находилось своё заделье. Так, для рассады по весне мы всегда делали небольшие парники, накрывая их сверху старыми стеклянными рамами. Туда бережно, по теплу, высаживались пророщенные семена маленьких дыnek. Их называли «Колхозница».

Бабушка любила выращивать жёлтые помидоры и жёлтую морковь, а я всегда был её первым помощником. Семена же когда-то давно были взяты у родни, и теперь заботливо сохранялись и высевались каждый год. А потом мы с нетерпением ждали урожая сладких, жёлтых дыnek. Бабушка так ловко приоровилась их выращивать, что хватало угостить и родню, и соседей.

Усадьба наша была наполнена благоуханием множества цветов. Бабушка любила садить их около крыльца и в саду. Гладиолусы, флоксы, георгины, ромашки тихонько кивали мне навстречу, приветствуя радушно по утрам.

Жарким солнечным днём кружились беспечным хоромом в саду прелестницы-бабочки, весь в жёлтой цветочной пыльце неутомимо жужжал мохнатый большой шмель. Он был в точности такой же, как на картинке в книге Чуковского, будто слетел нечаянно со страницы и остался у нас немного погостить.

Благоухание цветущего сада чудесно сливалось с ароматом домашней выпечки, что доносился из открытых окон.

так называемого Открытия сада. Это было целое событие. К нему готовились все – от мала до велика. Сад заранее чистили, убирали старую листву, красили скамейки, ремонтировали танцплощадку и агитплощадку (название, которое сейчас ни о чем не говорит современной молодежи). Мы – дети – вместе с бессменным нашим школьным баянистом Иваном Сергеевичем Друшляковым разучивали песни и танцы для концерта, а участники клубной художественной самодеятельности, которая была очень востребована в те времена, готовили музыкальные номера и даже театральные постановки. Никогда не забуду Нину Алексеевну Потрпалову в роли русской красавицы с белокурой длинной косой и Владимира Александровича Ключерова в красных сапогах и в расшитом кафтане. Они играли на сцене клуба какую-то сказку, а мы, как завороченные на все на это смотрели.

И вот он наступал – этот долгожданный день. Сейчас это название звучит странно, а тогда было просто – Открытие сада. Наш дом стоял совсем рядом, и уже с утра мы слышали игру духового оркестра. В сад шли целыми семьями – нарядные, красивые, с хорошим настроением. И что примечательно – несколько семей собирались вместе, накрывали под березами «стол», конечно, выпивали, но никогда не было пьяных дебошей, зато песни из каждого уголка сада лились дружно и звонко. Как радовались таким гуляньям мы – дети! Перебегали от одного «стола» к другому, где нас всегда угощали сладостями. Работали киоски с мороженым, причем, только в этот день в них торговали не со стороны улицы, а именно со стороны сада, чтобы людям было удобнее покупать сладкое лакомство. Его накладывали в бумажные белые стаканчики, и оно казалось невероятно вкусным.

Взрослые устраивали соревнования на волейбольной площадке, в которых участвовали команды цехов лесозавода – тарного, лесоцеха, древмуки, ЖКО, ЦРМ. Мой отец вместе со своими друзьями предпочитал игру в городки, площадка для которой тоже была оборудована в саду. На танцплощадке были танцы, а на агитплощадке чаще всего проходили награждения по итогам каких-либо соцсоревнований. А уже

Вот так и вернулась я в Маршинск, в город, который я называю своей «малой родиной». Она, действительно, малая, но сколько вмещает в себя воспоминаний!

Первое, что вспоминается, это родная улица Школьная, что находится в районе лесокомбината. Раннее утро, большое стадо коров, которое гонит пастух на луг к речке и очень громкий заводской гудок. Сотни людей под этот гудок начинали свой рабочий день на лесозаводе, в том числе и мой отец, Россинин Григорий Андреевич. Я помню, как такой же гудок звучал и по окончании работы. Тогда детвора бегом бежала встречать своих родных со смены. Они шли от ворот проходной по улице Центральной, которая тогда считалась самой лучшей: здесь находились почта, контора, клуб, стадион, магазины, а дальше начинались дома, которые мне в детстве казались настоящими теремами. Почти в каждом доме держали скотину, причем именно коров, и мы ходили туда за молоком, а в народе ту дальнюю окраину улицы называли «феодалным краем», потому что там жили, как тогда казалось, зажиточные люди.

Про клуб и сад лесокомбината надо говорить отдельно. Вот где была настоящая жизнь! Каждое лето мы ждали

Стряпать моя бабушка очень любила. Она часто выпекала большие румяные пироги с колбой, морковью, грибами, луком, щавелем. Запах свежего, только что испечённого пирога, остался со мной на долгие годы. Печь она была большая мастерица! Если пирог с морковью или с капустой, то сверху была посажена старательно вылепленная из теста фигурка маленького зайчика. Если это пирог с малиной, калиной или черёмухой, то на его поджаристой корочке красовались, открыв клювики, задорные крохотные птички. А ещё она любила побаловать нас большим сладким подсолнухом. Это такой особый пирог, в котором «лепестки» представляют собой маленькие пирожки с на-чинкой, причём каждый со своей. И всегда хотелось угадать, какой именно попадётся тебе. Рыбный пирог - предмет особой гордости хозяйки - был прямо шедевр кулинарного искусства. Пирог делался в виде запеченного карпа. У большой глазастой рыбины были старательно вылеплены хвост и плавники, и весь он был в крупной чешуе из сдобного теста.

Мы с дедом частенько ходили на рыбалку, и потому в пироге запекалась свежая, только что пойманная на реке рыба. А на пирог частенько собиралась вся родня. На рыбалку мы ездили на велосипедах, а когда и ходили пешком. Рыбы на Кии было много, да и рыбаков хватало.

Как-то раз мы ночью пошли рыбачить с дедом Трофимом. С нами отправился дядя Коля, муж моей тётки по матери, а к нему присоединился друг Михаил. Мы с дедом пошли с бреднем вдоль нашего берега, а дядя Коля с Михаилом - по другому, вдоль Пристани. И тут они зацепили что-то тяжёлое. Сначала решили, что это коряга - не порвался бы бредень! Вдруг - восторженные крики, смех, всплеск воды! Это была большая щука, длиной около 2,5 метров. Она спокойно спала себе на дне. Когда её всё-таки вытащили на берег, то дядя Коля взял её за жабры и так, закинув на плечо, потащил в лодку. Хвост рыбины волочился позади, оставляя за собой след на мокром песке. Голова щуки, большая и страшная, точно это была не рыба, а какое-то морское чудовище, казалось, так и норовила укусить кого-нибудь. Верхняя губа её поросла мхом, а на нижней торчал огромный

рыбацкий крючок, давно заржавевший и обломанный. Щуку поделили на всю родню, порубив топором. Бабушка наделала из рыбины котлет и долго ещё удивлялась, как такая красавица далась сама в руки.

Любил бывать с нами на рыбалке и другой мой дед, муж бабушкиной сестры Василий Приб. Всю войну он провёл в лагере для заключённых как депортированный этнический немец. Он рубил лес, работал на раскряжёвке - всё это в жару, когда изводил гнус, и в мороз, по грудь в снегу. Вернулся оттуда едва живой. Но природа взяла своё. Дед Василий опять вошёл в крепость, и литые мышцы вновь заиграли на его крепком теле. Так вот он на спор мог поднять коня-тяжеловеса. Подойдёт, присядет под брюхо, распрямится, встанет - и копыта коня отрываются от земли! Это было удивительное зрелище. Больше такого я никогда не видел.

Мой дед Трофим Андреевич Соловьёв в Великую Отечественную воевал в артиллерии, был дважды ранен, контужен и снова вставал в строй. Он был парторгом истребительного противотанкового артполка 32-й отдельной истребительной артбригады, звание - капитан. Собственным примером поднимал у солдат боевой дух. Доводилось деду ходить в первых рядах в атаку на немцев. Однажды, когда на батарее кончились снаряды и немцы пошли в атаку, артиллеристы во главе с парторгом бросились в рукопашную. Не раз случалось деду и вставать к оружию, когда из строя выходил орудийный расчет. В одном бою дед самолично подбил два фашистских танка. За это он получил орден Отечественной войны первой степени. Дед Трофим был награжден также орденом Красной Звезды, несколькими медалями. Войну дед закончил далеко от границ нашей Родины, в Чехословакии. Несмотря на то, что война горькой тяжёлой болью прошла по его судьбе, что старые раны ныли по ночам, не давая уснуть, мой дедушка не испытывал какой-либо классовой ненависти к немецкому народу.

С дедом Васей они были большими друзьями. Вместе ходили на рыбалку, всей роднёй отмечали праздники, собирались на бабушкины пироги, по-родственному ходили друг

Лишь детство мы вернуть не можем заново.

*Где-то есть город тихий, как сон,
Пылью текучей по грудь занесён.
В медленной речке вода, как стекло,
Где-то есть город, в котором тепло.
Наши далёкое детство там прошло...*

Когда слушаешь эту песню, слова которой написал Роберт Рождественский, мысленно обращаешься в свое детство, которое осталось где-то очень далеко, но куда часто хочется взять обратный билет.

Мое детство прошло в Мариинске. Здесь я родилась, пошла в школу, закончила ее и, как и многие мои сверстники, захотела уехать в большой город учиться. Впервые уезжала так надолго, думая, что уж в наш Мариинск точно никогда не вернусь. Прожив в областном центре несколько лет, вкусив «прелестей» мегаполиса с его шумными проспектами, вечно спешащими куда-то людьми, захотелось провинциальной тишины, захотелось, чтобы мои дети увидели то же, что видела я в детстве, когда разливалась речка Кия, а аромат цветущей черемухи разносился по всей округе. В большом городе этого так не ощущаешь, да и не до того там. Слишком суетлива городская жизнь. А хочется иногда остановиться, оглянуться...

Отец работал с лошадьми. Я с робостью ходила мимо их денников, на каждом была табличка с кличкой лошади и родословной. Работали там и вольнонаёмные, и расконвоированные заключённые, среди которых были учёные-агрономы, селекционеры. Вспоминаю работавшего там пожилого человека с окладистой бородой, с постоянной книгой в руках по фамилии Гуналий. Говорили, что он доктор каких-то наук. Когда в 1953 году вышел указ об амнистии, он и другие осуждённые по 58 статье вернулись к себе домой, а опытное хозяйство постепенно пришло в упадок. Теперь на том месте лесопосадки и жилые дома.

Вольнонаёмные, работавшие тогда на «опытном», были очень дружны между собой, дружили домами, семьями, устраивали совместные праздники в конторе, напоминающей почему-то мне церковь, друзьями и подружками были и мы, их дети. На фотографии – не знаю, жилой дом или производственное помещение, но это территория «опытного», слева - я, а две девочки – дочери азербайджанского работника Алиева.

Пожалуй, это самое яркое впечатление моего детства в городе Мариинске, где я прожила почти всю свою жизнь.

На праздники оба моих деда сидели рядышком, обнявшись, и дружно пели песни о войне, а ещё старинные народные песни. Ислаженно, всей роднёй, что едва уместилась за общим столом плечом к плечу, пели про Хасбулата и молодую княжну Стеньки Разина, про дремучие леса и бескрайние дали, что влекут к себе издревна русскую душу. И доколе люди будут петь эти старые песни, доколе будут дружно собираться за одним общим столом, до тех пор жить нашим детям в мире и благоденствии. Так говорил мне мой дед, так теперь и я говорю тебе - своему сыну...

Во Дворце у нас играет духовой оркестр...

ДК спирткомбината в 1970-е годы

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет – прошло в Мариинске... В 1960-е годы Мариинск утонул в цветении ранеток. Вокзальная площадь, ул. Ленина, район спирткомбината, школы № 6 и № 9, заводоуправление,

Впечатления детства живут в памяти

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске...

Моя, мама Кукина Александра Андреевна, работала поваром в столовой, а дома было большое подсобное хозяйство: огород, корова, мелкие домашние животные и пятеро нас, детей. У меня было два младших и два старших брата, поэтому я воспитывалась и росла, как мальчишка: носила одежду после старших, имела мальчишечьи замашки, нещадно дралась, меня налысо стригли и обзывали за это «Гришкой».

Отец, Даниленко Пётр Яковлевич, был разнорабочим, как тогда говорили, «на опытном». В районе теперешних трёх колоний, действительно, тогда существовало опытное хозяйство, состоявшее из промсада, где росли дубы, сливы, вишни, груши, яблони районированных сортов и без особого присмотра – ранетки, которые после осенних заморозков облепляли окрестные ребятки, как на картине Саврасова «Грачи прилетели».

Была там и пасека, я помню, как разливали по флягам солнечного цвета мёд, это было захватывающее для не видевших сладкого зрелище.

Обрабатывали большие поля элитной пшеницы, ржи, картофеля. Разводили породистых лошадей, коров, свиней.

42-ая железнодорожная школа располагалась тогда на улице Вокзальной, туда нас и перевели в 5 класс. Школа удивила: два этажа и много учителей, после маленькой одноэтажной и одной учительницы разбегались глаза. Учитель математики Григорий Григорьевич Грищенко был большим оригиналом: разрешил садиться кто где хочет, при изучении дробей начал со слов: «Ведерникову дали одно яблоко, а Зайцеву четыре четвертинки. Кто обиделся?» Или, когда я, не зная урока, молчал у доски, он, подождав немного, сказал: «Ну, ты, Зайцев, погромче, я чтой-то не слышу.»

Географию преподавал Рычков Тимофей Львович. До школы он всегда доходил в галошах, а по школе – с указкой, картами и портфелем. Урок свой знал прекрасно, страны показывал, не глядя на карту, а за ней иногда прятались озорники или не выучившие в этот день материал, географические достопримечательности уместались в открытках, их у него было около трёх тысяч. Мы с интересом разглядывали здания, дороги, мосты, фауну и флору изучаемых стран. Это сегодняшнего ученика ничем не удивит, а тогда...

Я уже в своём преклонном возрасте помню много слов из немецкого языка, ему нас учила Марта Георгиевна, жена сосланного в Сибирь этнического немца. У неё девяти- и десятиклассники весь урок общались только на немецком языке.

Помню интересные уроки истории Мальцевой Александры Григорьевны, она научила нас видеть глубину исторических событий, это помогает мне и сейчас анализировать современные подковёрные политические игры. А ещё она учила нас этике, с горечью рассказывая, какими неотёсанными виделись участники советской делегации на международном форуме учителей в Чехословакии, где она была и где царили изысканность и такт.

Часто думаю, что в своей состоявшейся жизни я бы многого не достиг, если бы не было на моём пути учителей, отдававших нам не только знания, но и частичку своей души.

улицы Набережная и Юбилейная... Крупная ранетка в пришкольном саду школы № 9 осенью пользовалась особой популярностью у ребятнишек. Особенно ягоды были вкусны, когда их осенью ударит первым морозцем. Вдоль тротуаров были высажены тополя. Запах клейких листиков, цветение, тополиный пух под ногами... Дворец культуры спиртового комбината был любимым местом отдыха детей и взрослых.

Дворец был прекрасен: с красивой декоративной лепниной и паркетом, множеством помещений для кружков и библиотеки, в танцевальном зале появиться можно было только переобувшись, приходили со второй обувью... На вечерах непременно играли вокально-инструментальный ансамбль, духовой оркестр. Их игру все любили слушать, а танцевать под живое музыкальное сопровождение тем более.

Все праздники в ДК проходили ярко и торжественно, стелили красные дорожки в зрительном зале, приходили семьями... Во Дворце культуры шли спектакли собственного народного театра, действовали несколько хоров. В художественной самодеятельности участвовали от мала до велика: воспитанники детских садов, учащиеся школ, рабочие предприятий... А как красиво было в парке при ДК! поистине было здорово!

Тополиная аллея моей юности

Прогулка в детство

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске...

На улице Дорожной, за школьным интернатом, чуть в стороне от дороги, расположен небольшой домик. Он и со стороны-то небольшой, а как в него втискивались 3 квартиры, вообще не ясно. Сколько себя помню, я жил в одной из них. На 12 квадратных метрах - печь, стол, сундук, кровать, табуретки и мы: бабушка, мама и я.

Я и мама

Моё детство - то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске. В этом городе я родилась и выросла...

Испокон веков в природе существует четыре времени года: весна, лето, осень и зима. Весной все рождается, цветет, летом созревают плоды, осенью собирают урожай, а зимой матушка природа после трудовых будней отдыхает.

Человек - дитя природы. Его жизнь все те же четыре времени года. Весной мы рождаемся, проходит наше детство, пролетает юность. Лето - взросление, семья, потомство. Осень - подведение итогов жизни, а зима - уход на покой. Но иногда так хочется купить билет и отправиться в детство и юность. Память человека, как волшебная копилка, она хранит самые незабываемые страницы нашей жизни. Я мысленно возвращаюсь в свое детство, которое прошло в селе Раевка Мариинского района. Перед глазами проплывают картины моего счастливого детства в деревне. Это помощь по хозяйству дома родителям, сбор грибов и ягод и, конечно, горячая пора сенокоса. Рано утром отец запрягает коня и мы, усевшись на бричку всей семьей с сумкой, в которой вареные яйца, картошка, хлеб, молоко и сало, отправляемся на покос. С утра косим, пока роса на траве, после обеда перево-

рачиваем ряды вчерашнего покоса, а ближе к вечеру складываем в копны под стрекотание кузнечиков. Домой возвращаемся уставшие, но веселые. Знаем, что вечером пойдем играть на улицу допоздна, жечь костер и рассказывать страшные истории. Так в труде и отдыхе вечером пролетали каникулы из года в год. И вот, окончив школу, я поступаю учиться в Мариинское педагогическое училище. Незабываемые студенческие годы и юность прошли в Мариинске, городе, который стал моей судьбой. Я мысленно возвращаюсь в те далекие 70-е годы.

Память уводит меня в тополиную аллею, которая была на месте зоны отдыха и фонтана в центре города. Вот она аллея - аллея длиною в жизнь. Тополя-великаны встречают меня, ласково шелестя листвою, как будто приглашают в свое тополиное царство. В годы моей юности это была просто тополиная аллея. А раньше – в 50-60-е – здесь были и фонтан, и клумбы, и скамеечки. И памятник Сталину. Сквер тот посадили комсомольцы... Я вспоминаю, как мы – девчонки-студентки, забыв проблемы и заботы уходящего дня, веселой стайкой, зажав в кулаке пятаки, спешили на танцы в горсад. Наш путь пролегал через эту аллею-красавицу. Могу-

лёком Курчатове со звонка своей маме в Мариинск, чтобы на том конце провода услышать её родное «алё», алё», немного поговорить обо всём происходящем и с лёгким сердцем заниматься делами, зная, что у самого родного мне человека всё в порядке.

Здесь, в Мариинске, у меня остались самые близкие и дорогие мне люди, мои родные и друзья. Здесь моя малая родина, здесь частичка моей души. Не хочется говорить о грустном, но мне очень жаль, что старинные градообразующие предприятия, такие как спирткомбинат, лесоккомбинат, мебельная фабрика канули в лето, а ликёроводочный завод работает не на полную мощность. Думаю, что администрация города в силу объективных причин, не может пока разрешить эти глобальные вопросы и прикладывает много усилий, чтобы город развивался и процветал, чтобы мои земляки жили в нём спокойно и с уверенностью в завтрашнем дне. Да и без самоотверженной помощи самих горожан не были бы созданы такие замечательные объекты, как дом-музей Чивилихина, музей бересты, памятный комплекс жертвам Сиблага и многое другое.

Огромная работа проведена по реставрации старинных зданий-памятников архитектуры! Невозможно перечислить все, но работа эта идёт и её очень видно. С каждым своим приездом я замечаю изменения в городе и радуюсь этим разительным переменам. Похорошела центральная улица Ленина, рядом с восстановленными строениями гармонично возвышаются современные объекты. Изменился и вокзал, похорошела привокзальная площадь. Проезжаешь по городу, с трудом узнавая и не узнавая дорогие сердцу места, и душа радуется за каждое обновлённое здание, за каждую цветущую клумбу! Ведь это же и мой город тоже, город моего детства, куда так хочется купить обратный билет!

жарки-огоньки, жёлтые душистые лилии и полевые ромашки-маргаритки! При всей своей занятости, отец всегда находил время, чтобы уделить внимание своим дочерям, за что мы ему были всегда благодарны! В доме у нас всё было сделано с любовью папиными руками, начиная с самого дома и заканчивая мебелью. Был он и с техникой «на ты», ремонтировал двигатели любых моделей, мог настроить телевизор. Свои знания передавал нам с сестрой, часто просил принять участие в его делах, что-то поддержать, открутить. Поэтому, я очень благодарна отцу за его науку и, думаю, что сейчас бы он гордился своими дочерьми, мы обе водим автомобили.

Моя мама, Рогова Мария Николаевна, Отличник Народного Образования, награждена Орденом Трудового Красного Знамени, медалью за Доблестный Труд в ВОВ, почётным знаком за Веру и Добро, Педагог с большой буквы – самый главный мой учитель и наставник. С ранних лет она брала меня с собой на работу в детский дом-интернат №2 для детей с ограниченными физическими возможностями, где мама работала завучем. Я видела, как мама общается с ребятами и как они тянутся к ней. К каждому ребёнку она находила свой подход: кого-то может пожуришь строгим голосом, но больше ласково хвалила и обнимала. А я была переполнена гордостью за маму, ведь многие из ребят не имели родителей, а я меня были и папа и мама. За ужином дома родители всегда обсуждали всё, что происходило с ними за день. Не забывали и нас с сестрой приобщить к разговору, тем самым, на своём примере, воспитывали в нас чуткость друг к другу и понимание, умение делиться своими переживаниями. Более сорока лет мама отдала своей любимой работе. Её воспитанники разлетелись по всем уголкам нашей необъятной Родины. И сейчас, находясь в столь преклонном возрасте, мама радуется, что вчерашние девчонки и мальчишки, будучи уже взрослыми состоявшимися людьми, до сих пор не забывают своего наставника, звонят, присылают поздравительные открытки и приезжают навестить.

Уже более тридцати лет и я начинаю свой день в да-

чие тополя, уходя кронами-шевелюрами в поднебесье, как радужные хозяева, поили нас пьянящим воздухом, наполненным ароматом свежести, молодости своих листочков. Эта целебная благодать снимала усталость, вселяла радость и дарила надежду на счастливое будущее. Здесь не было скамеечек для отдыха, но в любое время суток по аллее спешили люди, кто-то по делам, а кто-то просто пройтись, отдохнуть и послушать соловьиную трель, зовущую всех влюбленных в этот благодатный уголок. Иногда казалось, что не по земле идешь, а паришь, едва касаясь земли ногами, ощущая душевную радость и ликование. Воистину волшебная аллея, коль память через столько лет сохранила эти ощущения и духовное состояние. Волею судьбы нет сегодня мудрых, могучих тополей, но в памяти навсегда осталась тополевая аллея, аллея длиною в жизнь. Люблю я свой старый Мариинск, который очень скоро отметит свое 160-летие, и счастлива, что наши судьбы переплелись.

*Я выросла в краю могучих кедров,
Березок с белоснежными стволами,
Под песни удалых сибирских ветров
И колыбельные напевы мамы.
И среди той божественной природы
Есть городок родной, что душу греет.
Старинный, но не властны над ним годы,
И нет его любимей и милее.
Всех, удивляя стариной былинной,
Седой и мудрый, но душою молод.
К себе манит архитектурой дивной
И славится людьми, наш добрый город.
Такой вот городок провинциальный,
160 годков, совсем не много!
Приветливый и чуть патриархальный
Пусть долгой будет его жизнь-дорога!*

Судьба преподносила сюрпризы, уводила далеко от родных мест, но я всегда возвращалась домой и знала, что

Мариинск - станция моей весны, осени и зимы. Вот и закончилось мое виртуальное путешествие в детство и юность, а в реальности я вновь сижу в вагоне поезда моей судьбы и продолжаю свой жизненный путь.

*Мелькают полустанки, города
Под монотонный перестук колёс.
Как жаль, что не проложен путь туда,
Откуда поезд жизни нас увёз.
Чудесный город Детство позади,
Без пересадки нас везёт экспресс.
Вот полустанок Юность впереди,
Романтикою полон луг и лес,
Здесь всё манит ажурной красотой,
И не пугает жизненная даль,
Откуда нас зовёт судьбы простор,
Не ведом ещё страх потерь, печаль.
Какая остановка впереди? Как?
Мегаполис Зрелость? Что? Уже?
Содом забот нам душу бередит,
За всё держи ответ на вираже.
Одна беда: нельзя билет купить
До прежних станций, хоть за миллион,
А хочется так в Юность укатить
Иль в Детстве отдохнуть один сезон.
По расписанию поезд наш идёт,
Без опозданий жизненных в пути,
И каждого свой полустанок ждёт
На вечной остановке впереди...*

После окончания техникума мне посчастливилось трудоустроиться на Мариинский ликероводочный завод в плановый отдел. Тогда завод работал на полную мощность, его ассортимент исчислялся несколькими десятками наименований водки, ликёров, крепких и слабоградусных настоек. Припоминаю «Рябиновую на коньяке» и «Клюковку». Впоследствии добавился знаменитый бальзам «Старый Мариинск» и много других. Водка Мариинская издавна ценилась, так как сырьём для неё служили качественные спирты Мариинского спирткомбината, мягкая, чистойшая вода из собственных скважин, натуральные добавки и свято чтимые традиционные технологии. Сожалею очень, что в настоящее время такой знаменитый старинный завод на грани закрытия, очень хотелось бы его возрождения и процветания!

Но самыми важными наставниками в своей жизни я считаю своих родителей! Я очень благодарна, что дали мне жизнь, вырастили в любви и ласке, научили всему, что умели сами.

Мой папа, Рогов Константин Николаевич, был потомственный железнодорожник, почти всю трудовую жизнь проработал в этой сфере мотористом. Мастер на все руки, любое дело у него спорится, очень добрый и душевный человек. Когда мне было шесть лет, и я играла в бумажные куклы, тогда все девочки в них играли, моя сестра Таня двух лет от роду, порвала мою куклу, и я очень горевала по этому поводу. Но папа сказал, что поможет моему горю и сам нарисовал мне другую куклу, лучше прежней, рисовал он прекрасно! Уже в подростковом возрасте попросила изготовить формочки для украшения торта для уроков домоводства, папа мне сделал из консервной банки, до сих пор я ими пользуюсь в память об отце. Это сейчас всё можно купить в магазине, а тогда отцовы изделия вызывали необыкновенную радость! Возвращаясь с рыбалки не только с богатым уловом, а рыбак он был заядлый, не забывал радовать своих домашних небольшими сюрпризами в виде букетика цветов. К большому сожалению, такие цветы растут только в Сибири, и я сохранила их в своей памяти. Это замечательные огненные

зато, когда всё удачно складывалось и изделие получалось, я вместе с ними разделяла эту радость!

Мариинский лесотехникум 1978 г

Мои подруги: Т.Бутук, Т.Дорофтей, Г.Соколова

С 1976г по 1978г обучалась в Мариинском лесотехническом техникуме, получила специальность техник-плановик. Благодарна всем педагогам-наставникам, которые помогли мне приобрести эту профессию, особенно нашему куратору Дине Григорьевне Севастьяновой и преподавателю истории Корчугановой Галине Михайловне. Студенческую дружбу с Галиной Соколовой, Татьяной Дорофтей, Татьяной Бутук пронесла через всю жизнь.

Мариинский ликероводочный завод, соревнование по гражданской обороне.

У реки Баимчик

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, – прошло в Мариинске... Продолжалось оно с 1944 по 1962 год. Жили мы в поселке, расположенном недалеко от

Баима, который в народе называли «Сиблаг». Там и сейчас находится исправительная колония № 33. Туда на работу в 1943 году после признания негодным к воинской службе из-за тяжелой болезни был направлен мой отец. Там они с мамой всю жизнь и работали. Там и сейчас, на улице Дзержинского, 17, стоит домик, в котором жила наша семья: родители и четверо детей. Я – старшая, три младших брата и постоянно кто-то из маминых племянниц, отец которых погиб на войне. Оттуда после окончания школы мы и разлетались один за другим, а племянницы выходили замуж.

В этом доме уже давно живут другие люди, нет перед ним и красавицыели, посаженной нашим отцом в начале шестидесятых годов прошлого века (мне известно, что несколько лет назад она, наша елочка, украшала собой одну из площадей Мариинска).

Не знаю, какова была площадь наших «хором», но это были небольшая комната и кухня, лишь через несколько лет отец собственными руками пристроил ещё одну комнату.

Вот тогда мы действительно возомнили, что живем

в хоромах. Ничего, что всё равно спали по двое или на палатках.

Никто этому значения не придавал. Зато сколько было замечательного! Иногда до боли хочется купить туда обратный билет!

Во-первых, наш двор, по нашим понятиям – очень большой, с весны до осени покрытый мягкой зелёной травой.

Во-вторых, березовая роща, которую все называли «сад», расположена буквально в нескольких метрах от нашего дома. Были там и футбольная, и волейбольная площадки, турник. Летом устанавливали качели и карусель, которую мы называли «гигантские шаги», потому что прокатиться на ней можно было только после длительного разбега...

Позже, на радость нам, подросшим девчонкам, построили танцплощадку. Каждый вечер – танцы под баян или под гармошку. Аккомпаниаторы, сменявшие друг друга, – местные парни или кто-то из солдат, проходивших срочную службу здесь же, в нашем посёлке. О других видах музыкаль-

она нетрадиционно подходила к выполнению домашнего задания. Однажды в сентябре, после летних каникул, давая задания на дом, сказала, что кто не хочет делать упражнение по русскому, пусть напишут мне письмо о своём отдыхе, как я провёл лето. На следующий день мои одноклассники показывали свои тетрадки с упражнением, а мне показать было нечего, я весь вечер писала письмо Людмиле Александровне, рассказывая ей про свою поездку с родителями в Казахстан к родным. Как меня поразили бескрайние просторы нашей Сибири, проплывающие мимо окон вагона, её поля и леса, сменяющиеся на казахские степи, далеко уходящие за горизонт, с редкими оазисами, где росли арбузы и дыни. И какой красивый город Алма-Ата, расположенный у подножия гор Алатау. Зато потом, когда письмо дошло до адресата, Людмила Александровна похвалила меня перед всем классом и сказала, что ей очень понравился мой рассказ! Я до сих пор помню момент этой радости и гордости, что меня так высоко оценили! Низкий поклон ей и пожелания здоровья!

Очень благодарна Целищевой Анастасии Семёновне, преподавателю географии, за её интересные уроки, я очень любила её предмет. Мы встречались с ней в 2014 г и она подарила мне на память сувенир «глобус». Вечная память прекрасному человеку и педагогу!

Не могу не отметить нашего преподавателя домоводства Таисию Ивановну. Она сумела заинтересовать и увлечь нас своим предметом. Благодаря её урокам я научилась не только готовить простые и вкусные блюда, но моделировать и шить для себя одежду. Огромное ей спасибо за это, очень пригодились мои знания и умения в работе мастером производственного обучения в детском доме-интернате №2.

И здесь моими наставниками были замечательные, душевные люди, мастера швейного дела, Клавдия Леонтьевна Белокопытова и Тамара Константиновна Ильина. Они учили меня всему, что умели сами. А я передавала свои знания ребятишкам с ограниченными физическими возможностями: приходилось проявлять много терпения и спокойствия, не всегда у ребят получалось даже нитку вдёрнуть в иголку без помощи. Но

**Т.Афони́на, Г.Щети́нкина, Е.Бры́лёва,
Л.Смоля́нникова, Г.Лучкин, В.Цаплин, Л.Зайцев.
Выпуск 10 «А» 1974г.**

За мои школьные годы произошло много всего интересного, так впервые в городе на праздник День Победы 9 Мая мне с моими одноклассниками выпала честь стоять в почётном карауле у вечного огня. Мы так гордились этим событием.

Я очень благодарна учителям этой школы, всем кто учил нас своим предметам, отдавая себя безгранично, сея в душах своих учеников доброе и светлое. Невозможно написать про всех педагогов, но не могу не выделить учительницу русского языка и литературы Коптеву Людмилу Александровну, которая занималась с нами не только на уроках, но и организовывала прекрасные внеклассные вечера. Один из них в шестом классе, по творчеству Пушкина А.С. «Болдинская осень», особенно запомнился мне. Мои одноклассники долго готовились к этому вечеру. С удовольствием украшали зал жёлтыми листьями клёна, заучивали лирические стихи Пушкина не из учебника литературы. На вечер пришли все нарядные, девчонки надели туфли на каблуках и ребята впервые приглашали на танец своих одноклассниц. Людмила Александровна сумела донести до нас на примере Пушкина, какие могут быть отношения между юношами и девушками, и мы уже смотрели на своих одноклассников другими глазами, и это было необычно и волнующе! А ещё

ного сопровождения речи не было. Об их существовании никто и не подозревал!

В-третьих, окрестности нашего маленького посёлка. Метрах в ста от нашего дома протекала ну очень маленькая речка Баимчик, рядом находился небольшой колодец, откуда брали воду для питья (это позже жители научились пробивать колонки и вручную качать воду. Мой отец был одним из первых, кто реализовал этот инновационный для того времени «проект»). Купаться в Баимчике, конечно, было нельзя (о чём мы всегда очень сожалели и не понимали родителей, запрещающих нам это делать), но очень любили там бывать: прополоскать бельё, набрать в ведерки воду для полива или просто посидеть на берегу. Чаще, чем другие места моего детства, до сих пор вижу это место во сне, а проезжая мимо, очень хочу выйти из автобуса и, как в детстве, посидеть на берегу. Сюда тянет особенно. Но время сделало своё дело: даже из окна автобуса видно, что нашего Баимчика там больше нет!

Километрах в трёх от посёлка было ещё одно любимое место. Все его называли «Пруд». Туда мы бегали купаться, по невысоким склонам собирали клубнику, в колках – смородину и черемуху, и никогда не возвращались без цветов. Ими, особенно саранками и большими жёлтыми лилиями, были усеяны все поляны.

Когда мы подросли, в нашей семье появилось собственное «транспортное средство». Это наш отец, мастер на все руки, придумал и на удивление всему посёлку собрал из частей разных старых машин - свою, «новую»! Такой не было ни у кого! Папа называл своё изобретение «трактор». Мои братья проявляли к этой технике больше уважения и называли «КамАЗ» или «Жигуль». Развивал наши «КамАЗ-Жигуль» скорость до 12 км в час, отличался высокой проходимостью и долгие годы служил нам верой и правдой: был не только незаменимым помощником в домашнем хозяйстве, но и средством проведения досуга. Став взрослыми, уже имея собственных детей, мы, собираясь летом в родительском доме, выезжали на нем на рыбалку, за грибами или на шашлыки.

Любимое транспортное средство нашей семьи

Дети нашего посёлка учились в школе № 7, расположенной на территории другого посёлка под названием «Лесозавод». И меня в 1951 году увезла туда мама.

Вот куда хочется купить обратный билет! Школа находилась на улице Школьной, была она деревянная, двухэтажная, не очень большая, но нам казалась дворцом. Рядом – школьный огород, с другой стороны сад с молодыми еще деревьями и двор со спортивной площадкой. Позднее был по

время, за которое мы должны были хорошо отдохнуть и перейти в другую школу.

В те годы многие родители опраивляли своих детей в пионерские лагеря, так и я летом 1966г впервые побывала на Арчекасе. Корпуса этого лагеря были расположены на крутом берегу Кию, в живописном местечке среди берёз.

Что бы попасть туда, нужно было проехать через реку Кию по мосту за деревню Вторую Пристань, что было довольно далеко от нашего дома на ул. Пролетарской. Ещё можно было переплыть Кию на лодке в районе Водокачки, так и поступали наши родители. На берегу всегда дежурил лодочник и за небольшую плату переправлял желающих на тот берег, а потом, по тропинке поднимались на возвышенность к лагерю. В отряде было много незнакомых ребяташек, но мы все быстро познакомились. Здесь у меня появилось много друзей. С Рамзией Шакировой и Мариной Ткаличевой, а с ней мы подруги ещё с детского сада, да и учились в одном классе, до сих пор связь не теряется. Нашу дружбу мы пронесли через всю жизнь.

Территория пионерского лагеря Арчекас сохранилось сих пор, претерпев существенные изменения, став, действительно, зоной отдыха и в летнее время и зимой, что очень радует!

Пионерский лагерь Арчекас 1966г

Самые яркие воспоминания уносят меня в далёкие шестидесятые прошлого столетия, когда я пошла в первый класс. Школа была совсем недалеко от моего дома на ул. Карла Либкнехта в деревянном здании с печным отоплением, но такая уютная и домашняя. До сих пор стоит эта постройка, правда, это теперь не школа, а детский сад. С большим интересом я слушала свою первую учительницу Анастасию Николаевну, замечательного педагога и прекрасного человека! Она объясняла материал так доступно и интересно, что вскоре весь класс научился быстро читать и аккуратно писать! А на переменах нас кормили вкусным компотом с беляшами, как дома.

С первой учительницей Анастасией Николаевной.

этой
школе
про-

В
мы

учились три года и её закрыли. Впереди были летние каникулы,

строен еще один небольшой деревянный дом. Там находились школьные мастерские.

Отопление в школе было печное. Запомнились высокие, покрытые черной краской печи в каждом классе, и пожилая женщина, тетя Лиза, которая зимой, с утра до вечера, казалось, без отдыха, носила перевязанные веревкой охапки дров.

Электричество было, но напряжение такое слабое, что ни писать, ни читать было нельзя. Поэтому в короткие зимние дни в класс приносили керосиновые лампы и расставляли по партам. Каждый из нас радовался, если одна из ламп оказывалась именно на его парте.

Моей первой учительницей была Нина Александровна Добромылова. К тому времени она уже проработала в школе 13 или 14 лет. Директором был Александр Григорьевич Доценко.

От нашего поселка школа находилась довольно далеко, поэтому руководством колонии был организован подвоз детей. Машина появилась, примерно, году в 59-м, а до этого основным средством транспорта была лошадь. В холодную погоду на телегу, а зимой на сани ставили специально изготовленную кибитку. Мы называли её будкой. Управлял этим «сооружением» заключенный, которому уже не требовался конвой. Их было несколько за все годы, но больше запомнилась одна женщина, тетя Катя. Она приезжала за нами за долго до окончания уроков и в ожидании подолгу бродила по школе, останавливаясь у классов, где шли занятия, перечитывала стенгазеты, которые уже тогда выпускались регу-

лярно. Однажды я с детской непосредственностью спросила у тети Кати, кем она работала до заключения. Та ответила: «Учительницей». Вполне возможно, что это была одна из репрессированных. Но в то время мы, дети, не знали этого слова и не подозревали, сколько невинных людей находилось по ту сторону забора. Тех, кого мы встречали (это были расконвоированные, имеющие право выходить за территорию зоны), считали обычными людьми: они подвозили жителям посёлка воду, ремонтировали дома, лечили нас. Была у них художественная самодеятельность, даже спектакли ставили. До сих пор помню их постановку «Шельменко-денщик». Став старше, я узнала, что моя мама, сотрудник колонии, всех четверых своих детей рожала в зоне, и роды троих из нас принимала одна и та же акушерка. Заключённая, разумеется. Хорошо помню, как по-доброму относились к ним многие жители посёлка, в том числе и мои родители. Особенно мама: ни одного заключённого, оказавшегося у нас дома, она не отпускала, не угостив чем-нибудь, хотя этого делать было нельзя. Каждый ей что-то рассказывал о себе. Некоторые истории я тоже слышала и помню их до сих пор.

Нашим первым классным руководителем, с 5 по 7 класс, была Наталья Кирилловна Шафеева (Самоделко), учительница немецкого языка. Потом и классные руководители, и учителя-предметники менялись практически каждый год: это были выпускники педагогических институтов разных городов страны: Пятигорска, Ижевска, Борисоглебска, Костромы, Тамбова. Уезжали одни – приезжали другие (нам было интересно: из какого города приедут в новом учебном году новые учителя?), но для некоторых Мариинск стал постоянным местом жительства. Многих из них бывшая ученица помнит и очень хочет озвучить их имена: Анна Архиповна Ерилова (математик), Лидия Ивановна Макарова (литератор), Нина Степановна Журавлева, Зоя Петровна Григорьева (немецкий язык), Федор Степанович Лапкин (учитель черчения, известный в городе краевед), любимая всеми Клавдия Ивановна Брылёва (историк, заместитель директора) и еще многие-многие другие. Назову и учителей

выписке нас случайно перепутали, Татьяну отдали моей маме, а меня – её маме. Но наши мамы быстро обнаружили несоответствие: я – то была тёмненькая, а Татьяна рыженькая

и поменя-
черями. С
мы счита-
названны-
рами и
живаем
тя наши
ные пути
окончания
разошлись

школы
- Татьяна с семьёй живёт в столице нашей Родины Москве, а я с семьёй в атомграде Курской АЭС Курчатове. Но нас с ней, по-прежнему, объединяет наша малая родина, то место, где мы родились, где прошли наши лучшие годы становления, откуда вышли в большую жизнь - наш любимый и дорогой сердцу - Мариинск.

С раннего детства на моём жизненном пути мне встречались хорошие, открытые и добрые люди, хотя со временем в памяти стираются имена и фамилии, но остаётся свет от искорки, которую они смогли зажечь в моей душе!

Началь-
на ул.

ная школа

К.Либкнехта

с их пор помню свою наставницу – тетю Нину Мышенкову, которая была очень внимательной и доброй, по-матерински заботилась и опекала свою ученицу. Учебный год в это время продолжался до 25 июня. В 11 классе наряду с выпускными экзаменами мы сдавали экзамен и по производственному обучению. Девушки получили специальность «Станочник деревообрабатывающего станка», юноши – «Столяр-сборщик». Даже был присвоен какой-то разряд.

Школьные годы были интересными и незабываемыми: предметные олимпиады (в том числе городские и областные), субботники, сельхозработы, участие в демонстрациях 1 Мая и 7 Ноября, пионерские сборы и комсомольские собрания, слёты отличников учебы, спортивные соревнования, школьные вечера, танцы под баян и пластинки и, конечно же, художественная самодеятельность. Спортом я не увлекалась, но моя подруга Нина Жидкова была очень известной лыжницей не только в школе, но и за пределами города. В художественной самодеятельности участвовала вся школа: хор, сольные номера, танцы. Всем этим руководил один человек – Иван Сергеевич Друшляков. Клуб лесозавода был для нас любимым местом. Без участия школьников не проходило ни одно торжественное мероприятие. Выезжали с концертами (на лошадях!) в близлежащие деревни. Танцы «Лявониха», «Бульба», «Молдовеняска» (в состав танцевальной группы входила и я) неизменно пользовались успехом у зрителей. Постановку их осуществляла молодая учительница химии. Во время летних каникул мы, старшеклассники, устраивались на работу. К этому нас никто не обязывал, это было само собой разумеющимся. За эти годы я успела поработать и на кирпичном заводе, и в ЖКО (до сих пор «ностальгирую», проезжая мимо дома, где мы, 15-летние девчонки, заливали фундамент), и в деревообрабатывающем цехе лесозавода. Школу я закончила в 1962 году.

Нас было десять выпускников: Валерий Балыбин, Галина Вершинина (это я), Галина Вострикова, Нина Жидкова, Любовь Орехова, Эдуард Прыгун, Лидия Сафронова, Людмила Турчанинова, Любовь Харабарова, Людмила Худякова.

оказалась самой сильной в стране, заняв первое место по Советскому Союзу. Гордитесь, молодые, своим городом, своими дедушками.

5-й «Д» класс школы №6 с любимой учительницей Риммой Митрофановной Сарычевой, май 1966 г.

Наряду со спортом в нас жило стремление к культуре. Вместе с соседкой-ровесницей Людой Осколковой (Людмила Алексеевна Манузина, ветеран педагогического труда) на нашей улице Московской организовали библиотеку и летний театр.

Ещё о театре. Большим успехом пользовались спектакли народного театра Дворца Культуры спирткомбината

с блистательным любимцем публики, моим другом и, опять же, соседом по улице, Петей Дороговым (Петр Григорьевич, инженер-строитель). И ещё о спорте. Идем мы как-то с Петей по улице и встречаем трое незнакомых парней, как бы нечаянно задевая нас плечами, останавливаются, ожидая нашей реакции. Петя посмотрел на них пристально и сказал: «Драться нехорошо». Они, конечно, не знали, что он чемпи-

Весна.

Ледоход на Кии: притягательное, завораживающее зрелище. И мы с друзьями с «Металлиста» - части города от улицы Трудовой до переезда и от Октябрьской до Литейной - плаваем среди льдин.

Теперь, когда друзья удивляются моему пристрастию

к купанию в проруби: «Откуда у тебя эта любовь к холоду?» - отвечаю: «Оттуда!..»

Лето.

Все свободное от прополки грядок время проводим на Кии: рыбалка, купание, волейбол. Первенство страны по футболу на приз газеты «Пионерская правда» - клуб «Кожаный мяч». Команда наших улиц на стадионе «Пищевик» участвует в городских отборочных соревнованиях. Я вратарь, мой брат Володя (Владимир Константинович Фисенко, ветеран подразделений особого риска) нападающий. Составленная из лучших игроков разных команд сборная Мариинска (мы гордились, что в неё вошел и один из наших)

Это – мы, выпускники одиннадцатого класса школы № 7 г. Мариинска 1962 года.

*Все поступили в высшие или средние специальные учебные заведения: В. Балыбин - в Новосибирский электротехнический институт, Н. Жидкова – в Томский институт радиоэлектроники и электронной техники, Э. Прыгун – в Кемеровское военное училище связи. Стали учителями Л. Орехова и Л. Турчанинова. Я с отличием окончила факультет иностранных языков Кемеровского государственного педагогического института (теперь КемГУ) по специальности «Французский язык». Много лет работала учителем в г. Кемерово, 22 года – в Кузбасском региональном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования (КРИПКипРО). Имею звание «Отличник народного просвещения», медаль «За служение Кузбассу», много грамот. Сейчас на пенсии. **В родном городе бываю редко, но как же хочется взять туда обратный билет!***

Город моего детства.

Мое детство – то самое, куда хочется купить обратный билет, – прошло в Мариинске...

Мариинск – городок, где прошло моё детство. Тихий и уютный, как старый обжитый дом, в котором все про всех всё знают, потому что живущие рядом соседи, и не только они, всегда знают о тебе намного больше, чем ты сам...

Воспоминание первое:

О, это ощущение уюта и тепла от деревянных тротуаров, то скрипучих, то ворчливых, то тяжело вздыхающих под ногами прохожих.

А как благоухает свежескошенная трава или сбитые ливнями смолистые чешуйки тополей, березовые и тополиные сережки; или цветущие деревья, кустарники и распустившиеся цветы.

Но самый прекрасный из всех ароматов – аромат свежеспеченного хлеба из железнодорожной пекарни. И мы в любую погоду, возвращаясь из школы, бывало, специально делали крюк и толклись крикливой, любопытной стайкой под окнами пекарни, пока добрая тетенька не выносила нам буханку самого ароматного, хрустящего, еще обжигającego руки хлеба, а слюнки уже текут и, кажется, нет на свете

Дом на улице Московской, в котором я родился

Мариинск! Люблю!

Этот город с детства люблю!

В душе он моей всегда и повсюду.

Стремлюсь, много лет сюда я стремлюсь,

Как будто к волшебному чуду!

Живя уже 40 лет в Ленинграде-Санкт-Петербурге, всегда с теплотой вспоминаю город, где провел первую треть жизни. Горжусь своей сибирской родиной, мариинским происхождением. Всё, что со мной происходило, как складывалась моя жизнь, день за днём, год за годом, позволяет мне считать себя очень счастливым человеком. А начиналось это счастье в славном, о котором я многочисленным питерским друзьям с гордостью рассказываю, городе Мариинске.

Вспоминается множество ярких эпизодов сибирского детства. Кратко приведу некоторые и призываю читателей-ровесников вместе вспомнить.

Осень.

С радостным волнением идем в школу с букетами любовно выращенных мамами в палисадниках георгинов.

Зима.

Мороз за сорок. Местное радио: «...занятия в школе для учеников начальных классов отменяются». Ну не сидеть же нам дома! Строим и разрушаем снежные крепости, роём длинные, через весь огород, пещеры-лабиринты в сугробах. Или по этим сугробам на лыжах через все огороды, свои и соседские: заборов-то под сугробами не видно. А ещё хоккей! Какой там мороз - от нас пар идет!

Мое Мариинское детство

Моё детство - то самое, куда хочется купить обратный билет, - прошло в Мариинске. В этом городе я ро-

дился и вырос.

ничего вкуснее.

Воспоминание второе:

Большую часть свободного времени, кроме посещения двух школ (музыкальная, общеобразовательная), секций, кружков и мероприятий, я и брат проводили у бабушки и дедушки. Мы выполняли их нехитрые задания, «не в службу, а в дружбу», как говорила нам бабушка. Они делились с нами бесценной житейской мудростью: «будет день - будет и пи-

ща»; «будешь делать - будешь уметь» и т.д.

Мои дедушка Алексей Феофимович Никулин и бабушка Зоя Францевна Ярошевич, брат Сергей и я.

В детстве всё воспринимается как само собой разумеющееся и незыблемое. С течением времени осознаешь, что бабушкины подружки иногда собирались у нее повидаться, поговорить о жизни, детях и внуках, вспомнить прошлое. Это они, певшие, грустившие и смеявшиеся, были членами «картофельной» бригады, давали рекордные урожаи во время Великой Отечественной войны. А зимой бабушка была

водовозом при госпитале, размещенном в здании педагогического училища.

Отдыхать мы любили с дедом или отцом. Это были изумительно интересные пешие прогулки на озера за рыбкой. С самого утра, когда солнце только просыпается, - кажется, что сама природа еще спит, и ты присутствуешь при этом великом таинстве пробуждения реки, деревьев, цветов, птиц и грандиозном зрелище восхода над озером.. Или прогулки по травке на Арчекесе, или по грибочки и ягодки... А походы в кино! Хочешь – в ДК Горького, хочешь – в клуб им. Крупской; или на «Зорро» в «Юбилейный». А если в парк - на качели... Тогда уже и сок, а то и леденец или шоколад тебе обеспечены... Да, незатейливые детские радости! А как забыть летний центр притяжения всего города, особенно в жаркую погоду – дворик «Углового» магазина. Эти огромные, желтые, «потные» бочки с квасом и пивом (только для взрослых) от Мариинского пивзавода, над которыми вечно вилась стайка пчелок, а около них разновозрастные группы страждущих. А рядом ларечки «Мороженое» от Мариинского молокозавода, и к ним длинная очередь. Мы с братом любили составлять деду компанию, когда он со списком всего необходимого и большой полосатой сеткой с пластиковыми ручками отправлялся в магазин. Дед заходил в «Угловой», а мы занимали очередь к бочке и мороженому.

Отovarившись согласно списку, дед угощался пивом или квасом, нам всегда перепал квас. Холодный, «мокрый» стакан с большими, пушистыми бурунами пены, ароматом ржаной горбушки, в меру сладкий, такой вкусный - ммм... Потом покупали мороженого сразу на всю семью и отправлялись домой, совершенно счастливые.

Воспоминание третье

Старинные дома, магазинчики – шкатулочки, памятники - это всё отдельные воспоминания. Старинные двухэтажные, одноэтажные дома, каждый со своей изюминкой, либо в орнаменте кружева, либо оригинальная форма и украшение наличников, либо ворота, каких теперь и не делают. И

каждый дом хранил свою тайну, свою историю.

А какие по улице Ленина шли магазинчики? Если от вокзала «Томпо», а напротив «Молочный», потом «Колокольчик», «Угловой», на углу -«Книжный»... У каждого имя собственное. Позже, когда строили новые магазины, народ тут же давал им свои названия: «Фиалка», «Стекланный» и т.д.

Каждый старинный дом сохранял своё лицо и становился ценнейшим экспонатом «музея под открытым небом». Жалко, что большинство теперь из них можно увидеть только на фотографиях в краеведческом музее.

Воспоминание четвертое:

Да, в городе моего детства хотелось жить! Хотелось сюда возвращаться. Здесь находилось дело по душе для каждого желающего. Получая специальность, молодые люди направлялись на работу, устраивались, создавали семьи, растили детей. Горожане любили свой город, а город отвечал им взаимностью...

В золотистом сиянии солнца
Мариинские дали мне снятся,
Старый парк и фонтан на станции,
И таинственный Арчекас.
И весь город весной разбужен
Ароматом черемух, яблонь.
В тополя и сирени наряжен
Он ласкает путнику взгляд...
Плёсы, пляжи и лента Киш,
Неба ширь, родниковый воздух,
Эх, уехать туда на отдых,
Да нельзя - закрыты пути.
Город детства остался в прошлом,
Только сердце забыть не может
Восхитительный старый город,
Сохранивший свои черты...